

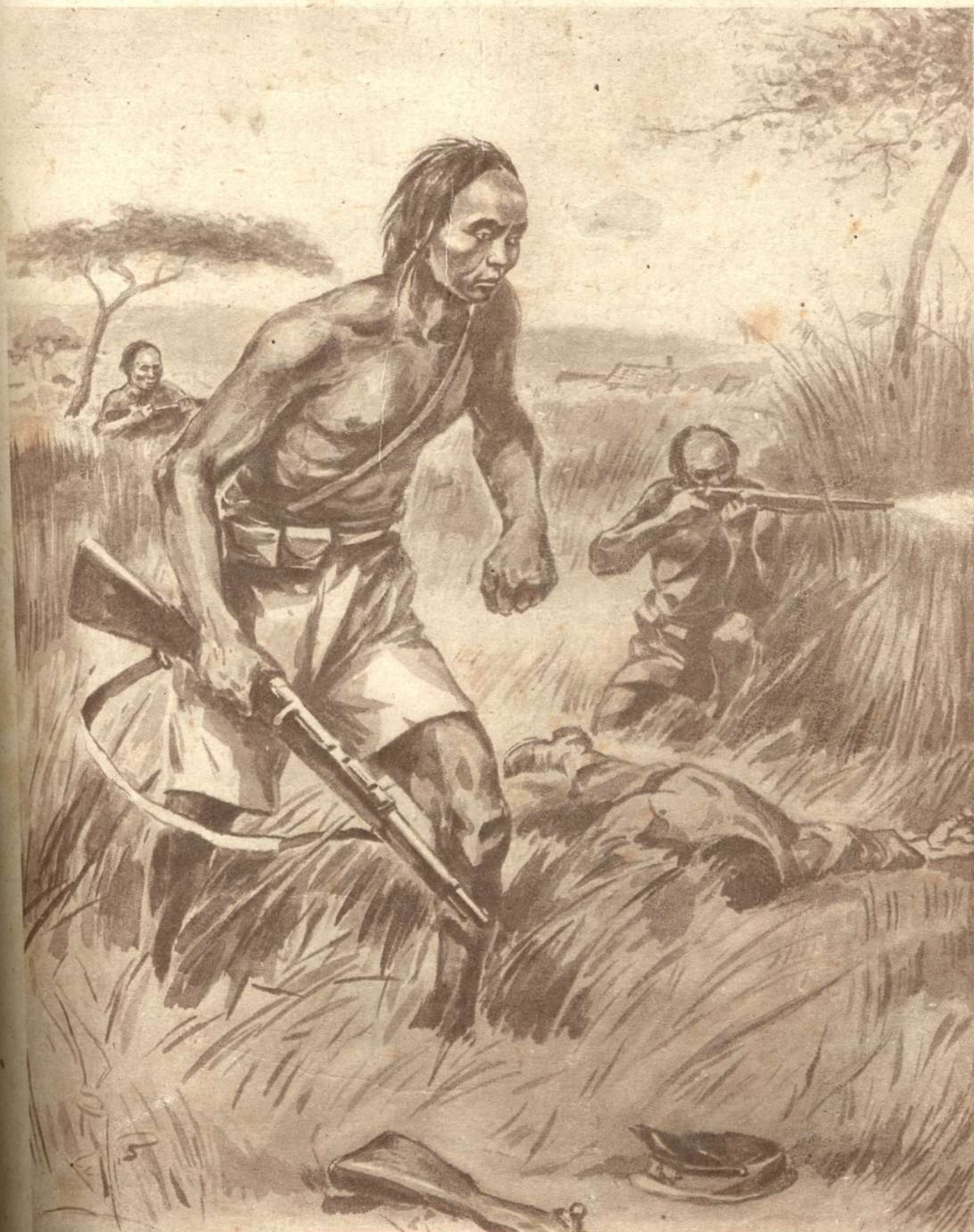
Цена № 10 коп.

ВОКРУГ СВЕТА

1930 г.

ДЕСЯТИДНЕВЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 8

Крестьяне-повстанцы в Южном Китае.

Рисунок худ. А. Пржецлавского

„Зиф“

Прием новой подписки на „Вокруг Света“ с января прекращен. Принимаются очередные взносы и продление подписки только от уже подписавшихся.

30 дней
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ДАЕТ 12 книг журнала

НА ГОД 10 РУБ.
НА ГОД 15 РУБ.
Требуется просветы!

В. Г. КОРОЛЕНКО
Б. КЕЛЛЕРМАНА

Ф. ГЛАДКОВ, М. ГРОМОВ, А. ЛОДКИНОВ-ПРИКОЛ, Б. ГОРБАТОВ, Г. НИКИФОРОВ, Д. ФУРМАНОВ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

I АБОНЕМЕНТ—12 номеров «30 дней», 6 книг Б. Келлермана и 6 книг «Библиотеки Советских Писателей»—12 м.—10 р., 6 мес.—5 р. 25 к., 3 мес.—2 р. 75 к., 1 м.—1 р.
II АБОНЕМЕНТ—12 номеров «30 дней», 6 книг Б. Келлермана, 6 книг «Б-ки Советских Писателей» 24 книги собр. соч. В. Г. Короленко—12 м.—15 р., 6 м.—8 р. 3 м.—4 р. 25 к., 1 м.—1 р. 50 к. При подписке на год допускается рассрочка платежа: 1 абон.—при подписке—3 р., к 1 апреля—2 р. 50 к., к 1 июля—2 р. 50 к. и к 1 октября—2 р.; II абон.—при подписке—4 р. 50 к., к 1 апреля—4 р., к 1 июля—3 р. 50 к. и к 1 октября—3 р.

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, Никольская, 10/2 — Гос. Акц. Изд. О-во „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“.

Подписка принимается также во всех отделен. Изд., отд. и маг. Госиздата, повсеместно на почте, в киосках Контрагентства Печати и на трансп.—уполн. газ. «Гудок».

любые немедленно высыл, налож. платежом МУЗСЕКТОР

ГОСИЗДАТА

Москва, Неглинная, 14/31.

КАТАЛОГИ (фортепиано, вокальный, больш. духов. орк., струнный, мас.-худож. литерат. книг по музыке).

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО.

ЛУЧШЕЕ ЧТЕНИЕ ПО ТУРИЗМУ

по удешевленной цене!

Комплект иллюстрированного журнала путешествий и туризма в СССР и других странах

„ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ“

за 1929 г.—11 № № за 1 р. 10 к.

Количество полных комплектов ограничено.

Высылка заказной бандеролью за счет Издательства.

Заказы выполняются только по получении стоимости (можно почтовыми марками).

□ □ □

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“

Москва, Никольская, 10/2

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

НА ЖУРНАЛ

„ВОКРУГ СВЕТА“

по II абонем. разосланы книги собр. сочинений ЖЮЛЯ ВЕРНА 1-я и 2-я. В ближайшее время будут разосланы книги 3-я и 4-я.

ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Гос. Акц. Издат. О-во

„ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“

ВОКРУГ СВЕТА

1930 г.

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 8

3 руб. 20 коп. в год за 36 №№ десятидневного журнала «Вокруг Света». Цена на 6 месяцев — 1 р. 85 к., на 3 месяца — 85 к., на 1 месяц — 30 к. Для заграничных на 25% дороже, цена отд. номера — 7 америк. центов. За перемену адреса — 20 к.

Редакция «ВОКРУГ СВЕТА» — МОСКВА, Центр, Никольская, 10/2 Телефон 64 87. Подписка принимается в конторе журнала (Москва, Никольская, 10), а также во всех отделениях изд-ва «ЗИФ», в отделениях и магазинах Госиздата, повсеместно на почте и уполномоченными газетой «ГУДОК». Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, Никольская, 10, тел. 2-32-36); за строку попп.—3 р., за страницу—1750 руб. (сверх тарифа—госналог 10%). При многок. печ.—скидка по соглашению.

СОДЕРЖАНИЕ: Голубой уголь. Роман Н. Н. Железникова. □ В гостях у Сун-Ят-Сена. Очерк П. Гаврилова. □ Блуждающая типография. Рассказ-быль из жизни революционного подполья Н. Н. Гладышева. □ По советской земле: Государственные заповедники СССР. Очерк. □ Объявления.

7 руб. 50 коп. в год за 36 №№ «Вокруг Света» с прилож. 24 книг собр. соч. Ю. В. Верна. На 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 15 к., на 1 м.—75 к. При подписке на год рас-срочка: при подписке 3 р., к 1 мая—2 р. 25 к., к 1 сентября—2 р. 25 к.

ГОЛУБОЙ УГОЛЬ

Роман Н. Н. Железникова

(Окончание)

Рисунки худ. А. Шпир

XIV. Странствующий хозяин

Медленно, но безостановочно, день за днем морское течение непрерывно увлекало айсберг к югу. За сутки его относило в среднем на пятнадцать-двадцать километров. Впереди, как дозорный, неизменно плыл айсберг с арками и колоннадой и услужливо расчищал заторы. Случалось, что «дозорный» задерживался, и «хозяин» (так назвал Деревяшкин айсберг, приютивший на себе замороженный пароход) начинал к нему грозно приближаться. Тогда «дозорный» начинал волноваться: он раскачивался, спешил протолкнуть мелкоту, назойливо загораживавшую проход, и, когда это ему удавалось, торопливо продирался вперед, несколько раз поворачиваясь назад, точно извещая «хозяина», что задание благополучно выполнено.

— А он нам наделает когда-нибудь хлопот, этот суетливый ледяной мост, — сказал как-то Бураков.

— Наоборот, пока он нам добросовестно помогает, — ответил Васильков.

— Да, пока «хозяин» не вздумает его догнать и самолично подтолкнуть. Тогда вся колоннада может обрушиться к нам на палубу.

— Ну, мы успеем своевременно спустить шлюпку...

Лодка, сделанная еще в ледяном ущельи, действительно была наготове для спуска в любой момент.

Но пассажиры айсберга не сидели сложа руки в ожидании, пока придется спускать шлюпку. Они действительно готовились к тому, чтобы спустить на воду пароход! Теперь, в открытом море, при свете солнца, работа была праздником, она сопровождалась громкими песнями, бодрыми шутками и веселым смехом.

Когда Рюмин в первый раз затянул песню, все вспомнили, что в ледяной тюрьме никому никогда не приходило в голову запеть.

— Не то что петь—и говорить-то там совсем разучились, чуть не шопотом переговаривались,—вспомнил Деревяшкин.

Действительно, даже голоса теперь стали какие-то другие — тверже, полнее.

В июне айсберг спустился ниже 80-й параллели, повернул на запад, а через несколько дней, описав большую петлю, повернул на юго-восток. Постепенно его отклоняло все севернее, и к концу июня он переменял курс на северо-восток.

Теперь корабль почти все время освещался солнцем. Однако новое направление не нравилось путешественникам. Надежды попасть в более южные теплые воды с каждым днем становились менее действительны. Прошел второй месяц путешествия на

айсберге. «Хозяину» точно понравилось бродяжничать. Он прошел по Ледовитому океану уже около тысячи километров, и неизвестно было, сколько он еще намерен странствовать. Его пленники деятельно готовились к тому, чтобы поскорее расстаться с «гостеприимным хозяином» и на свой страх пуститься в самостоятельное плавание. За это время произошло несколько событий, одно из которых оказало большое влияние на всю дальнейшую судьбу участников экспедиции.

Неоднократно видели белых медведей, моржей, тюленей. Охота на медведей оказалась наиболее удачной, благодаря исключительному вниманию, которое звери уделяли пароходу и людям. Их видимо привлекал запах пищи. Мишки нередко по одному и

Лодку втащивали на канатах по ледяным кручам.

по два подплывали к айсбергу и даже взбирались на него. Около двух десятков удалось застрелить. Одного убили в тот момент, когда он пытался залезть на пароход.

Благодаря охоте представился не один случай испытать лодку. Она была неповоротлива, но держалась на воде отлично, а мотор работал достаточно исправно.

Событие, послужившее поводом для более основательного испытания лодки, дало возможность получить совершенно непредвиденные энергетические ресурсы для паровых топков. Одновременно это событие заставило снова обратить внимание на двигатель Комлинского, получивший достаточно нелестную репутацию занятиной, но совершенно бесполезной игрушки.

Дело было в середине июля. Дежурный с вершины айсберга заметил впереди на одной из льдин странную грудку бревен. Тотчас туда направили лодку. Бревна оказались остатками неизвестной раздавленной льдами шхуны — прекрасный топливный и строительный материал! Над разборкой его усиленно работали около четырех суток, связывая бревна и доски небольшими плотами и буксируя их лодкой к айсбергу. В трюм усердно грузили дрова. На палубе распиливали бревна и сортировали доски.

В это время пароход был уже почти готов к спуску. Но Васильков еще медлил расставаться с «хозяином», считая, что, пока тот не очень уклоняется на север, благоразумнее оставаться его пассажирами.

Уже во время разборки шхуны несколько человек одновременно высказали мысль: использовать пароход в качестве парусника. От слов скоро перешли к делу и, покончив с перевозкой материалов, немедленно принялись за ремонт мачт, доставленных в неразобранном виде вместе с целевшими реями и обрывками вант. Самым трудным оказалось выбрать место для установки мачт, немало потрудились и над устройством мачтовых гнезд в трюме. Это были слабые места в познаниях «специалистов поневоле». Наконец установили мачты и занялись подборкой снастей. Из остатков оболочки дирижабля шили паруса.

* *

В эти дни Комлинский воспрянул духом. Снова с прежним пылом он стал возиться над усовершенствованием своего двигателя. У него зародился какой-то новый проект, которым он, наученный горьким опытом,

поделился пока с одним лишь Васильковым. Профессор этот план сразу же одобрил.

После того, как мачты были благополучно водворены на отведенные им места, пленники айсберга с необычайным увлечением отдались охоте: являясь одновременно и важной работой, и интересным спортом, и хорошим отдыхом, она вдобавок служила прекрасным поводом для того, чтобы лишний раз со стороны посмотреть на пароход. Действительно, было на что полюбоваться!

Странное впечатление производил со стороны замороженный пароход, покоившийся на своем пловучем ледяном доке. Его темный силуэт резко выделялся на фоне льда. Казалось, он приготовился к прыжку. Слившись правым бортом со стеной айсберга, пароход далеко высунулся носовой частью над ледяным оврагом, полого сбегавшим из-под обнаженной передней части киля к воде. Не только сам пароход, но и все окружающее его выглядело необычно, странно, даже нелепо...

Мачты, точно по ошибке воткнутые в пароход, прижавшаяся к одной из них труба двигателя Комлинского, многострунная сеть вант и перепутанных снастей бросали узор синих теней на стену айсберга. В переплете этих теней зацепилась нижним концом тонкая, хрупкая цепочка лестницы Комлинского, подвешенная к самой вершине айсберга.

— Представьте себе свежего человека, который увидел бы наш пароход! — сказал Бураков в одну из поездок на лодке. — Он вероятно не мог бы в первую минуту отделаться от впечатления, что наш противостественный паровоходик вскопчил однажды в некоем диком азарте на айсберг.

— А знаете, — прервал его Жуков, — как бы пароход в самом деле не вздумал скакать по льдам. Не нравится мне наш «дозорный» с его колоннадой и арками. Видите, там впереди что-то очень уж плотные льды — он их, пожалуй, не одолеет.

Действительно, из-под арки переднего айсберга виднелись вдали тесные скопления пловучего льда.

— Да, надо поторопиться со спуском парохода, — согласился Ковров. — Как бы не застрясть здесь еще на одну зиму.

В этот день пытались спешно спустить пароход. Попытка не удалась — кормовая часть киля еще прочно сидела во льду. А через два часа «хозяин» сам стряхнул с себя пароход, как блоху. Случилось именно то, чего все опасались. Но, как

часто бывает в таких случаях, вышло это и не тогда и не совсем так, как ожидали.

Все спали. До ледяного поля было еще далеко. Деревяшкин, стоявший на вахте, заметил, что «дозорный» айсберг с колоннадой замялся перед сравнительно небольшим, как сначала Деревяшкину показалось, скоплением льдов. Дальнейшее произошло так быстро, что Деревяшкин успел дать сигнальный выстрел лишь в тот момент, когда его отшвырнуло к двери рубки, и льды уже сами подняли тревогу. «Хозяин» неожиданно потерял терпение и быстро двинулся на «дозорного». Расстояние сокращалось с молниеносной быстротой. Внезапно арки и колоннада замысловатой ледяной горы с грохотом исчезли, — точно сверху по айсбергу ударили невидимым гигантским молотом, и она рассыпалась на мельчайшие ледяные частицы. «Хозяин» качнулся, и этого оказалось достаточно. Пароход ожил: дрогнул, скользнул куда-то вниз, глубоко зарылся носом в воду, вскинул корму... Несколько раз взлетал высоко вверх, точно собираясь снова прыгнуть на старое место. Сверху стремглав падал в бездну. Доски и бревна, посыпавшиеся в воду, плясали на волнах, сталкивались, били по бортам.

Через несколько минут пароход уже мирно покачивался на воде позади айсберга, куда волнение почти не доходило.

Айсберг остановился.

В этой «гавани» перед плаванием задержались ровно лишь на столько, сколько нужно было, чтобы выловить лес и проверить машины. На восток и на север тянулись унылые равнины сплошных льдов, на западе стаями бродили крупные айсберги. Из небольшой гавани, где стоял пароход, свободный путь открывался лишь на юг. Надо было спешить, чтобы не оказаться снова в ловушке.

Было начало августа, когда, выпуская из труб черный дым, громящая и дребезжа ревматической, немело подлеченной машиной, пароход двинулся на юг.

Опять предстояло много новой работы. Топливо необходимо было беречь. Следовало возможно скорее, на ходу, закончить оснастку, одеть пароход последними парусами и при этом попутно учиться новому морскому делу — сложной работе экипажа парусника. Но когда отвалили от айсберга, все, за исключением Алфеева, стоявшего у штурвала, бросили работу и со смешанным чувством облегчения и странной тревоги смотрели на медленно удаляющегося

«хозяина» с сиротливо повисшей на нем лестницей Комлинского.

— Прощай, хозяин! — крикнул вслед айсбергу Рюмин. — Послужил нам!.. Хватит! Теперь хоть еще пятьсот лет странствуй себе на здоровье!..

XV. Искусственный ветер и неоседланная буря.

Пароходные машины, кряхтя, справлялись со своей работой, но задавали при этом много работы команде. Однако скоро они сработались. Несмотря на кажущуюся инвалидность, пароход был на редкость прочным и складным суденышком. Коллектив очень скоро вошел в колею новой морской жизни, а неутомимый Комлинский немедленно, как ни в чем не бывало, принялся за переоборудование своего двигателя. Основное он сделал еще на айсберге, но именно теперь, во время плавания, особенно заметные изменения постигли выводной конец трубы. Раньше это был почти ненужный придаток, даже мешавший работе двигателя, теперь она стала одной из главных частей. Вместо одной тонкой трубы, Комлинский установил три; разветвляясь, в свою очередь по несколько раз, они оканчивались широкими раструбами почти у каждого паруса.

Если Комлинский с неистощимым терпением работал над своим изобретением, то на ожидание подходящих условий для испытания машины у него терпения явно не хватало.

К тому времени, когда двигатель был окончательно переоборудован, пароход уже несколько дней шел под одними парусами, с погашенными топками. Попутный ветер неустанно гнал судно на юг.

Уже через несколько часов после того, как механик снова пустил свой двигатель в действие — ход судна несколько ускорился. Это подтвердили все. Комлинский торжествовал. Он был убежден, что теперь его атмосферный двигатель оправдал свое название и дал первую партию «голубого угля» в виде искусственного ветра. Однако, более скептически настроенные товарищи склонны были считать, что просто-напросто самым естественным способом немного усилился натуральный ветер.

Тогда Комлинский стал с жадным нетерпением ожидать того, о чем остальные участники экспедиции боялись даже подумать. Он ждал как спасения... тибельного штиля. Штиль был бы экзаменом для машины. Комлинский объяснил, почему он после переустройства возлагал новые надежды на свой двигатель.

Отводящая узкая труба, ранее не имевшая особого назначения, в из-

вестной степени даже создавала затруднения для быстрого оттока воздуха. При работе вентиляторов и всех подсобных приспособлений в этой трубе неизбежно повышалось давление. И если, несмотря на это, двигатель мог работать безостановочно, значит в основном он был построен хорошо.

И вот теперь Комлинский решил попробовать — нельзя ли недостаток его машины превратить в ее исключительное достоинство. Он решил сделать так, чтобы отводящая труба отчасти повторяла принципы устройства главной трубы, то-есть, чтобы на обоих ее концах была неубывающая разница в давлении. Тогда выходящий воздух стал бы вырываться с силой.

Осуществил он это очень просто, не прибегая к помощи вентиляторов. Комлинский основывался на том, что газы, переходящие из тесного помещения в более просторное, стремятся заполнить его, следовательно, быстро расширяются. Другими словами — давление, под которым они находились, сразу понижается. Если это совершается систематически с непрерывным током газа, должен получиться ветер, возрастающий до известного предела силы.

Сделав систему разветвлений от основной узкой трубы, в которую устремлялся отработанный воздух из вентиляторов, Комлинский был уверен, что получит резкое падение давления и непрерывно вырывающийся из раструбов ветер такой силы, что его будет достаточно для движения парохода под парусами. Для защиты от противодействующего давления наружного воздуха, он снабдил трубы внутри воронкообразными клапанами, пропускавшими воздух только в одну — нужную — сторону.

В конце августа, в один туманный день ветер затих. Он прекратился почти внезапно. Все свободные товарищи Комлинского с благожелательной поспешностью взялись за эксплуатацию двигателя. Один лишь Марин по своему обыкновению визгливо рассмеялся и ушел к корме. Несколько человек взобрались наверх, к отверстиям труб. В трубах гудел ветер. Паруса вдруг заплескались, потом снова напряглись — хоть мень-

Пароход сверху стремглав падал в бездну.

ше, чем от естественного ветра, но все же достаточно, чтобы поддерживать движение парохода.

— Победа, братики! — закричал Комлинский во всю силу легких, свесившись вниз с реи. — Ветер оседлан и взнуздан!..

И быстро стал спускаться. Сделал он это во-время. Экспертиза кончилась. Продолжалась она минут десять, но больше не могла продолжаться. Комлинский, спускаясь на палубу, услышал выкрики Марина:

— Ветер не в твоих трубах, а в твоей голове! Там его обуздай!.. А на воле — он хозяин! И сейчас он, а не твоя игрушка надувал паруса!..

Это могло быть похоже на правду. Именно необузданный арктический ветер прекратил экспертизу. Десяти-минутная пауза была затишьем перед бурей. Потом налетел шквал.

Несколько дней он беспощадно трепал и перетряхивал больное тело парохода, сорвал с него все паруса, сломал одну мачту, погнул и сбросил несколько труб, произвел опустошение на палубе.

Комлинского лихорадило. Ему хотелось, убедив себя, убедить всех, что в те десять минут именно его двигатель, а не слабые порывы ветра, надувал паруса и двигал судно. Однако убедить самого себя механику не удавалось. Он не был теперь уверен ни в чем.

Когда стихла буря, пароход, беспомощный, с бездействующим рулем, плыл между скапливавшимися вокруг него льдами несколько дней. Винт не действовал. Топливо было на исходе. Паруса были унесены шквалом, снасти порваны. Наконец, тесно сомкнувшись, льды зажали пароход и понесли его в новое подневольное плавание.

Пять недель льды с убийственной медленностью увлекали с собой пароход. Но Васильков и Жуков каждый день неизменно подтверждали, что они все больше приближаются к земле.

В начале октября льды окончательно остановились. О том, чтобы зимовать на пароходе, не могло быть и речи. До ближайшей земли оставалось, по расчетам Василькова, около ста километров, а до радиостанции Маточкина Шара — сто сорок.

Марин первый стал собираться в дорогу. Он заявил, что пойдет налегке вперед к радиостанции. Никаких возражений и уговоров слушать не хотел.

— Пока вы со своими саночками будете тащиться, я успею дойти и выслать помощь.

Перед отходом Марин снова умудрился удивить товарищей, хотя они достаточно уже привыкли к тому, что сумасбродный летчик непрестанно сеет вокруг себя неожиданности. Марин вздумал вдруг произнести целую прощальную речь. Себя самого он растрогал почти до слез, но слушателям было как-то неловко от всей его тягучей и слащавой церемонии прощания. Себя Марин награждал большим количеством нелестных эпитетов, вроде «изверг», «злодей», «черный предатель»... А товарищей напыщенно величал «великодушными героями», «великими победителями льдов». Потом настойчиво убеждал держаться прямого направления на Маточкин Шар, чтобы облегчить работу экспедиции, которую он вышлет. В заключение Марин обошел всех и у каждого в отдельности просил прощения. Потом спустился на лед, сделал несколько шагов... и вдруг неизвестно отчего рассердился и злобно крикнул оставшимся товарищам:

— А впрочем, чорт с вами! Хоть прощайте, хоть замерзайте — мне от этого ни тепло, ни холодно!..

Ковров, улыбаясь, посмотрел на товарищей.

— Да... На такого надежда плоха. Дойдет или не дойдет — все равно помощи от него не ждать.

— Это он рассердился за то, что унижался, а распинаялся перед нами,

чтобы выгоднее выставить свою роль благодетеля, — объяснил Бураков.

Через несколько часов впряглись в «лодку-сани» и тронулись в тяжелый путь по льдам. Сзади, уходя в дымку тумана, медленно таял пароход.

— Эх, сердечный, спасибо, — почувствованно сказал Деревяшкин, оборачиваясь назад. — Куда тебя теперь занесет?.. А может он еще кому-нибудь службу сослужит!..

Дорога была невыносимо тяжела. Приходилось обходить нагромождения льдов, взбираться обходным путем на крутые льдины, делая по пять-шесть километров, чтобы продвинуться на один. Лодку не раз втаскивали канатами на ледяные кручи. Очень скоро перестали пользоваться пропеллером, экономя горючее. След Марина потеряли из виду уже через несколько часов.

* * *

Через месяц полуобмороженных, истощенных и больных цынгой товарищей подобрали в сорока километрах от Маточкина Шара.

Марин все же не обманул — выслал навстречу помощь.

* * *

Еще через несколько месяцев Комлинский сидел в кабинете известного ленинградского профессора и говорил об атмосферном двигателе. Профессор внимательно слушал и расспра-

Бревна связывали небольшими плотами, лодка доставляла их к айсбергу.

шивал о подробностях. Комлинскому нравилось его спокойное внимание и отсутствие назойливого любопытства, которое после возвращения из арктической экспедиции он неизменно почти встречал во всех, с кем ему случалось разговаривать.

Беседа затянулась на несколько часов.

— Да, все это очень интересно, — сказал задумчиво профессор. — И знаете что? Сам надо учиться. Вы упорны, обладаете хорошими комбинаторскими способностями, творческими стремлениями, отличной памятью, золотыми руками. Учитесь, и из вас выйдет великолепный конструктор.

— А я думаю, что если стану учиться, то потом не сумею изобретать. Рамки науки будут стеснять мою мысль, стгивать дерзость замысла, как тесный ворот шею.

— Ничего. Смотрите — попутно вы сконструировали много ценного: электро-гарпун, лодка-сани с пропеллером, лестница... Наконец, хоть двигатель и не оправдал ваших надежд, но вы предвосхитили путь вашего действительного спасения. Почему мимоходом вы делали ценное, а главной цели не достигли? Потому что в этих попутных мелочах вы были в тесных рамках того, что твердо знали. В этой-то тесноте ваша выдумка как бы «мимоходом» делала настоящее и новое дело, чувствовала себя уверенно. А уверенность — это уже начало свободы для мысли. А там, где не хватало знаний, вам было тесно, несмотря на кажущийся простор, вас душило отсутствие нужных сведений, и вы допускали огромные ошибки в мелочах. Если бы, дорогой, вам удалось добиться того давления, на которое вы рассчиты-

вали, ваш двигатель распорзся бы, как бумажный мешок! Ваши трубы от одной отдачи выходящего «голубого угля» согнуло бы дугой. Еще раз повторю: учитесь и учитесь! Тогда вы не станете тратить столько сил и времени зря, в бесплодных попытках построить невыполнимую, невозможную вещь — вечный двигатель. Этот «вечный двигатель» — проклятие многих и многих изобретателей без достаточной теоретической подготовки.

Комлинский медленно поднялся.

— И вы тоже... — сказал он. Губы его упрямо сжались. — Спасибо за совет. Буду учиться... чтобы доказать, что можно оседлать бурю! Я построю свою машину, хотя бы пришлось всю жизнь на это израсходовать! Прощайте!..

Профессор с сожалением покачал головой.

В ГОСТЯХ У СУН-ЯТ-СЕНА

(Воспоминания матроса с крейсера «Воровский».)

Очерк П. Гаврилова

Рисунки худ. В. Щеглова

Китайский военный оркестр старательно выдувает «Варшавянку»¹⁾. По крайней мере так обозначено на нотах. Но мы уже привыкли к китайской манере передавать музыку и почти не удивляемся тому, что мелодия похожа на все что угодно, только не на бурную гневную варшавянку. Более всего она напоминает тот трагический вальс, который играли, смотря на подступающую к горлу черную воду, музыканты тонущего «Титаника». Похоже отчасти и на первую сыровку духового оркестра фабзавуча.

Нам не скучно. Конкурируя с оркестром, одновременно развлекает нас китайский театр. В программе званого обеда сказано, что выступают «лучшие силы Кантона». Соглашаемся с этим молча.

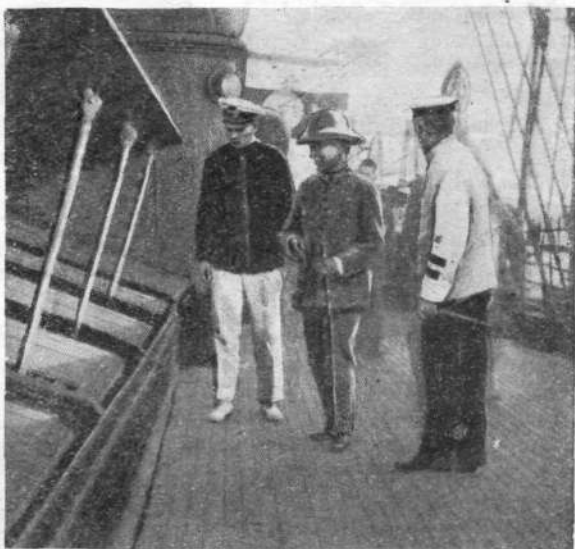
К тому же музыка, сопровождающая выступление «лучших сил», еще занятнее и веселее полковых виртуозов: старый дядя-китаец, он же дирижер, самосильно играет на чем-то, отдаленно напоминающем мандолину. Струны у этого инструмента в лизинец толщиной. Помощник мандолиниста дует в жилейку; третий, закусив язык, бьет в гонг; остальные

усердствуют колокольчиками, трензелями.

«Лучшие силы» поют тихо. Впрочем артистов заглушает рев военного оркестра.

Время от времени музыканты, аккомпанирующие сценическому действию, останавливаются для того, чтобы перевести дух и вытереть шею горячим полотенцем. Тогда слышится нето писк раздавленной мыши, нето звон испорченного телефона, — и мы удивленно оглядываемся на открытую сцену, нарушая этим кодекс китайских приличий. Театр здесь — что-то вроде добавления к торжественному банкету.

Банкет сегодня особо торжественный. Программы именуют его так: «Privetstvenie obed tovarisham s pervogo sovetskogo voennogo korable» «Vorovski». Мы — экипаж крейсера «Воровский» — сидим в самой лучшей гостинице Кантона «Виктория» попеременно с китайскими солдатами, с курсантами военной академии Вампу и с членами ЦК Гоминдана. Стены зала и потолок разукрашены цветными флажками, китайскими фонариками и красными плакатами с лозунгами на китайском и русском языках. В середине висит большой портрет Сун-Ят-Сена, во-

Сун-Ят-сен на палубе «Воровского».

шедшего в революцию мальчуганом из глухой деревушки Гуандунской провинции и возглавляющего теперь правительство Кантона, руководящего Гоминданом, командующего революционной армией и флотом.

Говорят, что где-то там, вблизи фронта, страдает он от болезни и раздора в Гоминдане.

И еще мы знаем: когда умер Ленин — тогда весь Китай облекся в месячный траур. И Сун-Ят-Сен сказал:

«За многие века мировой истории рождались и умирали тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин, исключение! Ты не только говорил и учил, но претворил свои слова в действи-

¹⁾ Песня польских революционеров. Переведена в 1897 г. на русский язык Г. М. Кржижановским и получила широкое распространение в национальных кружках. Пелась на массовых демонстрациях.

тельность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы. Ты встречал на своем пути тысячи препятствий, которые встречаются и на моем пути. Я хочу идти твоим путем, и хотя мои враги и против этого, но мой народ будет приветствовать меня за это. Ты умер, великий человек, небо не продлило твоей жизни, но в памяти угнетенных народов ты будешь жить веками».

Поддерживать разговор с китайцами невероятно трудно. «Свободно» по-китайски мы знаем только три слова: «вансей» (что значит «ура»), «пухо» («плохо») и симпатичное такое «чау-чау» — что-то вроде «хочу есть». Искусно комбинируя эти три слова, мы создавали подобие оживленной беседы. Китайцы не уступали нам: то-и-дело они кричали «вансей» и, вспоминая про У-Пей-Фу, гневно говорили «пухо». Что же касается «чау-чау», то тех пятидесяти блюд, которые гостеприимные кантонцы твердо решили погрузить в наши желудки — для первого знакомства было более чем достаточно. Какой это идиот сказал; что о вкусах не спорят? Как же не спорить об этих самых вкусах, когда подают яйца, скромно справляющие сегодня двухлетний юбилей свой, когда с очаровательной улыбкой предлагают акулы плавники, сердцевину бамбука с крабами, грудинку собаки или вот

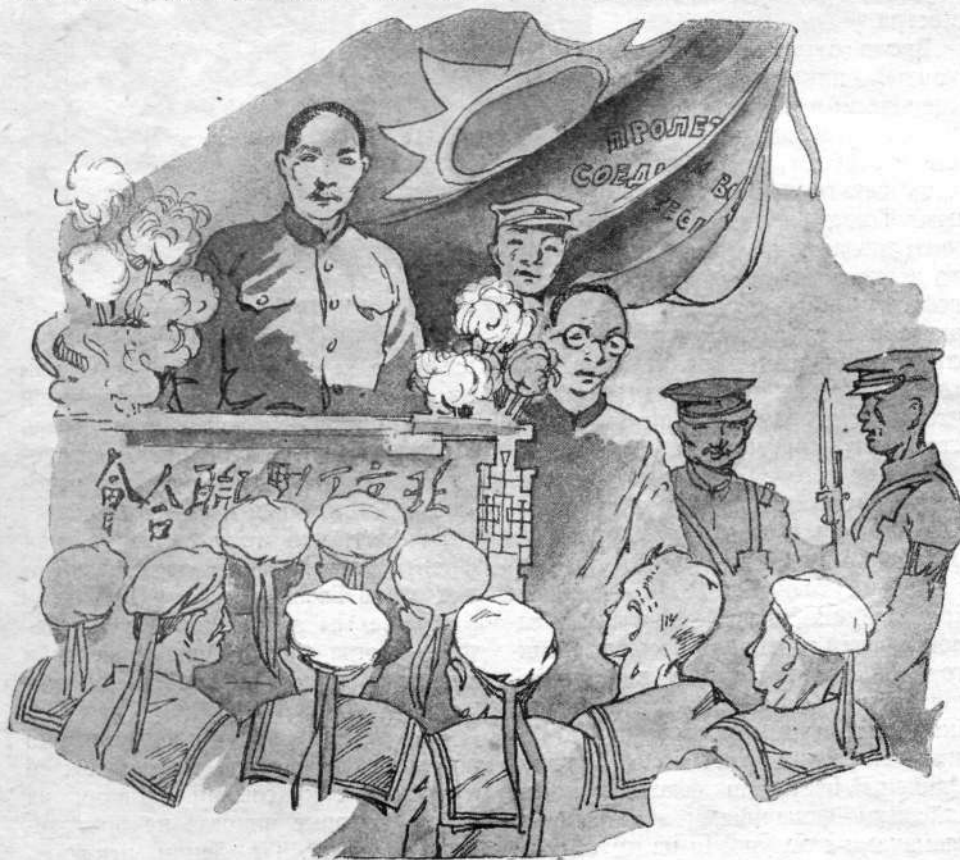
это знаменитое: «Sup iz lastotschkinich gniezd»?

После двадцатого блюда общее оживление достигает апогея. Идет в ход мимика, карандаши и палочки, заменяющие здесь вилки и ножи. Для того чтобы поклясться в дружбе своему соседу, нужно снять свою безкозырку, одеть ее на голову китайца, и пусть он оденет на вашу голову свою фуражку.

Мы искренне радовались оживлению. Во время беседы, орудуя карандашом, можно выбросить кусок жареной собаки под стол, на ее законное место, или вылить суп из птичьих гнезд штурману на брюки. Впрочем к концу обеда зазвучали такие слова, как «пролетариат», «советы», «мировая революция», — и мы окончательно почувствовали себя в своей тарелке. И наше «ура» и китайское «венсей» слились вместе, ударили в потолок, колыхнули разноцветные флажки и фонарики, когда переводчик огласил телеграмму:

«Приветствую дорогих гостей в Китае и жду советских моряков с нетерпением у себя. Сун-Ят-сен».

Китайцы радовались как дети. Они сжимали себе лица ладонями и подпрыгивали. Радовались и мы, сходя по лестнице «Виктории» под адский треск шутих и петард, без которых не может обойтись ни одно торжество в Китае.

Сун смотрит на нас, не отрывая глаз.

* * *

К Сун-Ят-Сену мы попали на следующий день. Утром на китайском кладбище от имени всей команды крейсера мы возложили венок на могилу китайских революционеров. Венок из живых цветов с красными розами посредине мы подвязали скромной ленточкой с «Воровского» и спели похоронный марш китайским братьям.

На вокзале мы задержались. Железнодорожники устроили митинг, и снова китайская гортанная речь слилась с русской; только слово «совет» передавалось железнодорожниками с иным оттенком, чем военными академиком, чествовавшими нас в отеле.

Подаренное железнодорожниками знамя и сейчас носит «Воровский», охраняя советские берега Ледовитого океана.

Провожали нас представители профсоюзов, красногвардейцы с маузерами через плечо и десятки китайских ребятишек с флажками, в смешных халатиках.

Специальный экспресс, расцвеченный плакатами, понес нас к вождю китайской революции. По вагонам забегали бои, расставляя кушанья и лимонад. Охрана выставила в окна злые рыльца маузеров. Даже здесь, вблизи революционной столицы, существуют целые вооруженные отряды «бумажных тигров», настроенных к нам далеко не дружелюбно. Кроме того, чем больше и блестящей охрана, тем она почетней.

За окнами поезда проносятся кумирны, кладбища, убогие деревушки, роскошные дома компрадоров. Течет, уходя назад, изумрудное поле риса. Под палящими лучами солнца, полуголые, в широких соломенных шляпах, опираясь на перекладину, орошают рисовые поля китайские бесправные крестьяне. Чашечки водоподъемной машины вертятся потому, что китайцы неумоимо перебирают ногами, словно осуждены они всю жизнь подыматься на уходящую из-под ног бесконечную лестницу.

Остановка. По узкому грязному, вместе с тощими свиньями копошатся в грязи китайчата.

Крестьяне несмело подходят к окнам поезда. Истомленные, оборванные, с землистыми лицами, они и разговаривают вполголоса, показывая на наши звездочки. Матери на руках, похожих на руки мумий, подносят к нам грязных вялых ребятишек и виновато улыбаются.

Повара нашего поезда старались не напрасно. Все, что они приготовили для нас, досталось крестьянам. Наш экспресс постепенно превращается в походную столовую для бесплатной раздачи обедов. Запихивая курятину в рот сынишки, китайка коротко спрашивает:

— Сун?

Мы понимающе киваем головой.

Чем дальше от Кантона, тем малоподнее и разореннее места. Меж сопками, поблескивая на солнце короткими штыками, ползут стальной змеей отряды солдат. Странное противоречие: рядом с палатками революционной армии белеют палатки «бумажных тигров». С желтыми лентами через плечо «тигры» косо смотрят на нас, поглаживая маузеры.

Мы обступаем переводчика, дергаем его за рукава голубого халата, пристаем к красногвардейцам.

— Что же вы дурака валяете, ребята? Ведь это же враги. Ждете, пока вас не накроют?

Волнуясь, то-и-дело поправляя роговые очки, переводчик говорит:

— Не теперь. Сун знает, кто враг революции. Сначала победа над империалистами.

* *

Поезд то несется по краю обрыва, то врывается в туннели, то скатывается в зеленые долины.

Мы крепко сдружились с нашей охраной. Это железнодорожники. Они были преданы революции до последнего вздоха — и немало их насытило горячей своей кровью улицы города и поля в дни реакции.

Захлебываясь, они рассказывали нам о том, что мы первые европейцы, которых так встречают в Китае. Да еще моряки!

Иностранцы моряков китайские пролетарии ненавидят жгучей ненавистью. Моряки всегда скандалят, имеют дубовые кулаки и головы, бесчинствуют, стараясь перещеголять офицеров. А офицеры. О, это совсем «пух»!

Переводчик неожиданно вскакивает и, подняв палец вверх, тихо говорит:

— Ставка Суна!

Паровоз завыл, поезд замедлил ход и лихо подкатил к дебаркадеру. В окна ворвались звуки оркестра и крики солдат. Лица китайцев на глаз европейца все на один лад — и мы не были виноваты в том, что какой-то генерал, которого мы приняли за Суна, даже присел на карачки от наших ликующих криков.

Он до того растерялся, что забыл отдать команду, и солдаты предугадательно сами берут на караул.

* *

Сун ждет нас в ставке. Мы шествуем туда в окружении почетного конвоя. Солдаты выбегают из барakov, машут фуражками.

Незаметно накрыла нас душная ночь. Где-то недалеко лег фронт, и разговоры смолкают. Тишину вспугивает дробный топот ног, да лязг штыка о штык.

Впереди замелькали огоньки. Ставка. С скромный солдатский барак, у входа два паланкина. Один покрупней и попроще — Сун-Ят-Сена, другой меньше, изящней, с инкрустациями на ручках — жены Суна, его друга и товарища.

Барак освещают дуговые фонари. На противоположном конце — трибуна, на стене за трибуной перевелись советские и китайские флаги. На попире в затейливых вазах никнут белоснежные хризантемы. Деревянные скамьи врыты в землю. Так просто все и обычно.

Садимся в торжественной тишине и торжественно молчим. Сзади себя слышу шопот:

— Вот будет интересно, если сун с птичьими гнездами опять подадут...

Нет, все спокойно, но мы опять оконфузили крейсер. Грубые балтийцы, не искушенные в китайских церемониях, мы кажется слишком рано опустили себя на скамьи.

Ну, так и есть. В барак входят вооруженные китайские солдаты, офицеры и генералы. В абсолютном молчании, неслышно ступая мягкой обувью, солдаты расходятся между скамейками, останавливаются и вдруг все кланяются в нашу сторону тремя низкими пластичными поклонами. Выжидательно стоят, склонив головы набок и снисходительно, вежливо поглядывая на нас.

У нас начинаются подталкивания, шипение друг на друга, ругань в одну шестнадцатую голоса. Кое-как встаем и начинаем отбивать поклоны. Оттого, что встали мы не все сразу и сейчас же сбились со счета — вышло так, что мы гораздо больше трех раз кланялись и солдатам, и генералам, и хризантемам, и самим себе.

Кто-то брякнулся лбом о затылок товарища, и одного, самого ретивого на поклоны, пришлось оттащить за штанину на место.

Дружно подхватываем Суна и мягкими толчками подбрасываем вверх.

Наконец уселись, и дуговые фонари осмеивали нашу неловкость своим шипом. Слева поместились генералы. Положив руки на эфес палаша, бесстрастными глазами уперлись они в пространство.

Многие из них скоро бросили Суна ради шелеста английских кредиток. Продали и совесть и палаши.

Солдаты дружелюбно разглядывали нас и косились на дверь, ожидая Суна. Вот они вскочили с мест. Придерживая винтовки, аплодировали, улыбались и снова аплодировали.

Сун взошел на трибуну легкими размеренными шагами. Небольшого роста, во френче полукитайского покроя, с запонками вместо пуговиц. Характерный, сжатый в висках череп, редкие усы. Сто раз виденное на портретах и не похожее на них лицо. Сун смотрит на нас, не отрывая глаз, — а в них, чуть раскосых и усталых, зажигаются искорки.

Движения у Суна медлительные, даже ленивые. Почти равнодушное лицо.

Странно видеть глаза, полные энергии, ума и доброты, на этом лице.

Эта медлительность, это равнодушие — маска. Революция знает другого Сун-Ят-Сена. В минуты, когда казалось все готово было рухнуть, Сун сам садился к оружию и спокойно крыл по противнику. Однажды Чен-Гу-Мин — хитрый, изворотливый, подлый генерал — воспользовался тем, что войска Суна дрались на фронте и предательски захватил Кантон. Тогда Сун, скрывшись на верном военном корабле, терпя недостаток угля и риса, беспощадным огнем разгромил изменника.

Солдаты кричат «вансей!» — мы перекрываем их. Лицо Суна светлеет, бескровные губы играют в улыбке. Вот он подымает руку — и все смолкает.

— Приветствую вас от всего сердца, красные моряки — делегаты ве-

ликой свободной страны Ленина! Приветствую вас вместе со всем китайским народом! Сегодня радостный день для китайской революции и самый светлый в моей жизни. Вы первые пришли к нам не как захватчики и узурпаторы, но как друзья и братья. И не только братья. Мы должны учиться у вас как творить революцию. Долгие годы боролся я за угнетенный китайский народ, и теперь, на закате своей жизни, осознал, что, только беря пример с Октябрьской революции и руководствуясь учением Ленина, можно освободить угнетенных всего мира... Да здравствует РКП! Да здравствует Красная армия!

Тонкие стены барака сотрясаются от приветственных криков. Но чем громче он и радостней, чем больше загорается переводчик словами Сун Ят-сена, тем медленнее и тише речь

делятся с нами воспоминаниями. Одна за другой разворачиваются картины китайской революции во всем своем жутком своеобразии.

Переводчик, торопясь, говорит, что Сун очень жалеет, что не может побывать в Советском Союзе.

«Ему так мучительно переживать то, что приходится кончать расчеты с землей, выбывать из строя революции в дни решительных боев, в дни сближения Гоминдана с коммунистической партией и — в соответствии с этим — начинающейся борьбы с правым буржуазным крылом. Ему так трудно покидать землю, когда национальное освободительное движе-

творами скорострельных винтовок, блеснула сталь шашек.

К чорту! Прости последний раз, Китай, за грубое нарушение твоих церемоний, но Суна мы все-таки качнем! Дружно подхватываем его, мягкими толчками подбрасываем кверху, бережно принимаем его на руки.

Когда мы осторожно, как единственную хрупкую драгоценность, спустили Суна на земляной пол, лицо его помолодело, в глазах снова забегали хитрые огоньки. Он разругался, крепко жал нам руки. Сун-Цзи-Лин смотрела на мужа, как мать на ребенка, избавившегося от опас-

Сун с обнаженной головой, держа в руках боевой шлем, провожал нас.

вождя. Снова Сун закрывает глаза, и сереет лицо его. Все же он выслушивает наш ответ и устало сходит с трибуны. От его тяжелых шагов тревожно дрожат лепестки белоснежных хризантем...

Ничего не сделаешь, но в столовую мы шли плечо к плечу с китайскими генералами — с настоящими, в эпоху — и сидели с ними рядом.

Если бы знали мы тогда, что вот кто-то из них расстрелял маленького пламенного революционера Ляо-Чун-Кая и бросил на растерзание хунхузам тысячи кантонских пролетариев! Или может быть эти же генералы впоследствии послали мучительную смерть работникам нашего кантонского полпредства!..

* *

За столом разговор принимает тон дружной беседы. Гоминдановцы

ние в Китае связывается с судьбами мирового пролетариата».

Мы в Китае только и делали, что попадали впросак, но этот был особенным. Кто-то шепнул:

— Качнем, братва, Суна!

Шопот облетел все столы; кто-то, подавая сигнал, мигнул — и вот десятки ребят с Балтики, отобранных для похода не только по специальности, но и по физической силе, рывкнули «ура», выскочили из-за столов и кинулись к Сун-Ят-Сену.

Сун-Ят-Сен не изменился в лице. Зато побледнели переводчики и на прекрасном лице Сун-Цзи-Лин отразился испуг. Оркестр, только-что начавший марш, прервал игру, наперерз нам ринулась стража, щелкая за-

ности, и улыбнулась искрящейся улыбкой. Напрасно! Всей оравой бросились мы к ней, и только переводчики, вставшие в транс от изумления и жестикулирующие перед нашими носами, удержали нас от окончательного конфуза. Сун смеялся.

* *

На берегу реки затаилась ночь и тревожно шелестели камыши. Прямая и темноте, росла перед нами какая-то башня. У подножья ее копошились неясные фигурки солдат. Вдруг, мелькнув внизу, бойко пополз кверху синий огонек, по дороге за-

жигая другие огни. Вот они докатились до верху — и ночь исчезла. На смену ей забил огненный фонтан, слепящий и играющий всеми цветами радуги.

Составные части башни завертелись, брызжа огнем; гигантские свечи со свистом улетали и цокали в черном небе; бураки оглушительно ревели и рвались на сотни разноцветных огоньков; крутились, шипели и разбрасывали веерами огонь гигантские мельницы. Кружились сотни занятых фигурок, изображающих людей и животных; разрывались, рождая бесконечные вереницы других. Огонь плясал в реке фантастической пляской, далеко освещая окрестность. Отражался он и в глазах Суна. С трудом поднялся он с низкого табурета, обернулся к нам, устало кивнул головой и улыбнулся так, как только он один умел улыбаться.

Смущенно улыбаясь, мы, не отрываясь, глядели на него. У самого входа в барак Сун еще раз обернулся. Цыновки медленно опустились за его спиной. С реки тянуло гарью, шипели угли в воде. Думалось: какие еще буйные огни озарят беспросветную черную китайскую ночь...

* *

Солнце жарит по-китайски. На огромном, выжженном зноем поле парад войск в честь советского крейсера. Военские части правильными четырехугольниками замкнули поле. В центре его — трибуна. Цветут желтыми маками полковые знамена с черными китайскими иероглифами. Легкий ветерок развеивает длинные, цветов всех провинций Китая, ленты на древках знамен. О курьезах китайской наемной армии не стоит слагать анекдотов. Она сама сплошной анекдот.

И вот идет бой с обычным звуковым оформлением — с треском пулеметов, с ревом орудий, со стоном раненых. Одна сторона насаждает на другую и, кажется, вот-вот одержит победу. Но подоспевает время обеда. Шабаш! В Китае воевать во время обеденного перерыва не принято. Солдаты садятся за «чифан», едят друг к другу смотреть, у кого сытней кормят, и наматывают себе это на ус.

Поздно понял Сун губительность для революции наемной армии. Теперь он бешеным темпом обучает курсантов, раскидывает по армии сеть политических работников. Армия Суна революционизируется. Мно-

гие части дерутся, не получая пищи и жалования. Делегаты от них сегодня собрались приветствовать нас.

Взлетает аэроплан и кружится над войсками, но гул пропеллера тонет в реве «вансея». Армия увидела Суна. Приспускаются желтые знамена, рокочут барабаны. Сун обходит войска, здороваясь с полками; чуть дольше он задерживается у голубых юнанцев. Подходит к нам, по-русски мягким голосом здоровается, улыбаясь, как старым друзьям. Наше «ура», кувыркаясь по полю как эхо в горах, заражает армию и несет в высь громовое приветствие:

— Живи, живи, Сун!

Среди музыкантов мы узнали своих приятелей по банкету. Ну, будет дело, если они заиграют соединенно с другими. И они заиграли.

Впрочем их никто не слушал. Солдаты все равно под марш не ходят. Они, пожалуй, танцуют, до смешного напоминая цирковых лошадей. Шеренга высоко поднимает ноги, держит их секунду навывтяжку — и сразу ударяет о пыльную землю, добавляя еще какие-то загадочные движения руками. Полки за полками проходят мимо трибуны. Захлебываясь, тархтят пулеметы, гремят орудия, скачет кавалерия.

Приходится проходить и нам. Командир говорит:

— Плюньте на этих музыкантов!

И мы плюем, шопотом подсчитываем ногу. Мы нарочно жмем к трибуне, и когда проходим мимо Суна, бросаем вверх трехкратное морское

«ура». Опять смеется Сун и подходит к самому барьеру трибуны...

Усталый и больной, Сун провожает нас до вокзала. Третий звонок... и последний.

Мы знаем: Сун никогда больше не выйдет проводить нас. И горячая волна участия и любви к этому большому человеку подкатывается к нашим сердцам.

Метут пыль дебаркадера желтые знамена. Войска прощаются с нами. Рискую сломать шею, переваливаемся в окна и машем, машем бескозырками Суну.

Я никогда не забуду движения Суна, когда поезд дал ход. Он, словно в уходящих вагонах уходило что-то невозвратное, близкое ему, как будто хотел остановить поезд, сделал вперед несколько шагов — с обнаженной головой, высоко держа в руке зеленый боевой шлем свой... И остановился, опустив руки.

Когда поезд навсегда скрыл от нас Суна — повернул — мы, стоя рука об руку с красногвардейцами, пели «Интернационал»...

А через два дня в Кантоне визгливо пели пули, простуженно рывкали орудия и черный дым пожара закрывал полнеба.

Сун-Ят-Сен начал действовать большевистски. Напрасно огрызались «бумажные тигры». Загнав их в узкие улицы загородного купеческого квартала, революционная армия сожгла «тигров» в их логовище.

* *

Смерть не сразу подобралась к Суну, он задолго знал о неизбежном. В последние часы, когда уже холодели пальцы и медленно потухало горячее буйное сердце, Сун писал:

«Моя мысль обращена к вам и к судьбам моей партии и моей страны. Вы возглавляете союз свободных республик — то осязательное наследие, которое оставил угнетенным народам мира бессмертный Ленин. С помощью этого наследия жертвы империализма неизбежно добьются воли и освобождения от того международного строя, основы которого издревле коренятся в рабовладельчестве, войнах и несправедливостях. Прощаясь с вами, дорогие товарищи, я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем свободном Китае друга и союзника, и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку.

Автор очерка П. Гаврилов (справа) на палубе.

БЛУЖДАЮЩАЯ ТИПОГРАФИЯ

Рассказ-быль из жизни революционного подполья

Н. Н. Гладышева

I. «Влопался».

Дверь открыла маленькая сморщенная старушка. Слезающиеся добрые глазки с любопытством осмотрели с ног до головы улыбающегося паренька.

— Кого вам?

— Комнатку посмотреть, бабушка! Сдается?

— Сдаем, батюшка, сдаем. Проходите. Может приглянется, — зашептала старушка.

Муля Цвилинг¹⁾, приехавший в Челябинск по явке от Омского комитета партии, уже неделю кочевал по товарищам, довольствуясь случайными ночовками. Подыскивая постоянную комнату, облюбовал домик на краю железнодорожного поселка. Домик скромный, в глаза не бросается, прохожих мало. Для конспиративной квартиры лучших условий не подыщешь.

Двадцатая весна еще только улыбалась Муле. Вихрастые, переливающиеся золотом волосы с трудом прятали свое буйство под ушастой сибирской шапкой. Когда Муля, войдя в квартиру, снял шапку, копна волос весело закурчавилась, словно обрадовавшись свободе.

— Других жильцов у вас нет? — расспрашивал Муля, идя за старушкой и внимательно осматривая помещение. — Тихо ли у вас?

— Кому шуметь-то? Мы с сыном только вдвоем. Славный он у меня, не гуляющий. Любит мать, — тараторила старушка, показывая Муле комнату.

И старушка и комнатка произвели на Мулю хорошее впечатление. Быстроговорились о цене. Дан был задаток и паспорт.

— А вы кто такой будете сами-то? Работаете где?

— Приезжий я, бабушка! Работы ищу.

— Ну, бог даст, найдешь. Экой веселый, таких работа любит, — перешла на «ты» старушка.

Муля явно ей понравился. Через полчаса они сидели за чайком, мирно беседуя. Вдруг лицо Мули слегка побледнело, глаза насторожились. В углу, между комодом и потрепанным

креслом, он увидел сиротливо приютившуюся шашку.

— Чья это у вас, бабушка, саблюда-то? Военный, видно, сынок у тебя?

— Шашка-то чья? А сына моего. Жандармом на станции служит.

У Мули застрял комок в горле.

— На станции?

— На станции, голубчик... Скоро уже придет со службы. Познакомься. Хороший он у меня — ласковый, веселый...

«Вот так влопался! — думал опешивший Цвилинг, поглядывая на дверь. — Не улизнуть ли, пока не поздно?»

В это время дверь отворилась, и на пороге показался молодой жандарм.

Жандарм перевел беседу на тему о «крамольниках».

— Есть хочу, маменька! Угости чайком...

— Садись, садись, сынок! Готов чай-то. С новым квартирантом пьем. Познакомься.

Жандарм поздоровался. Сел за стол. Завязался отрывистый, скользкий поверхностью с вопроса на вопрос разговор. Жандарм вскоре перевел беседу на близкую ему тему — о «крамольниках».

— Сладу с ними нет. А с нас взыскивают: плохо-де следим. Завелся промеж рабочих какой-то рыжий, листки раздает. Вчера разбросал целую уйму. Даже на дверях нашего управления налепили, охальники. Прямо в насмешку. Начальник страсть распалился.

Муля сочувственно поддакивал жандарму, возмущался «наглостью» революционеров, а про себя думал:

«Положеньице! Если бы ты, мил человек, знал, что перед тобой сидит тот самый «насмешник», кото-

рый так распалил твоего начальника расклеенными прокламациями! Тот самый «рыжий», что «мутит» деповских рабочих».

— Вот тут много заснято портретов крамольников.

Жандарм потянулся к столику за спиной и захватил альбом с фотографическими карточками.

— Велено следить за ними, не появляются ли у нас. А как уследишь, коли они изменяют свою личность?

Муле казалось, что жандарм, перелистывая альбом, изучает его лицо. По телу пробежали мурашки. Вот сейчас встанет и скажет: «Вы арестованы!»

С трудом, делая сочувственное лицо, задал вопрос:

— Неужели ни одного до сих пор не сцапали?

Жандарм мрачно уставился на Мулю:

— Разве их сцапаешь? Говорю, меняют личность.

«Подозревает или не подозревает?» — томился Цвилинг, прикрывая волнение нервной улыбкой.

II. Провокатор или нет?

Был ранний осенний вечер. Челябинск готовился ко сну. На улицах застыла патриархальная тишина. Лишь изредка прозвучат шаги одинокого прохожего и, перекликаясь, залают собаки.

В одном из домов, погруженных в серый сгущенный мрак вечера, мерцал слабый огонек. Пятилинейная керосиновая лампочка скупо освещала большую, почти пустую комнату. Огромный детина, засунув руки в карманы, нервно расхаживал из угла в угол. Его собеседник, небольшого роста, с клинообразной бородкой, сидел задумчиво на табуретке. Черная оправа пенсне со спускающимся шнурком придавала ему большое сходство с Чеховым. Стекла пенсне, отражая свет лампочки, поблескивали огоньками при каждом повороте головы.

— Да! Глупо влопался! Ужасно глупо! — отрывистыми фразами бросал шагающий человек, рассказывая новость об аресте товарища. — Обычная интеллигентская беспечность! Предупреждали: Василий, будь осторожен, за тобой слежка, очисти! Так нет! Даже литературу не убрал. Конечно, при обыске забрали.

¹⁾ Самуил Моисеевич Цвилинг убит колчаковцами в Екатеринбурге (Свердловске). Сообщаемые в рассказе факты имели место в Челябинске в 1905 году

Наверно, припаяют сто вторую¹⁾. Твое мнение, Сергей?

Блеснули стекла пенснэ. Сергей беспомощно развел руками.

— Дело дрянь, это верно. А знаешь ли, Павел, что с техникой, кажется, еще хуже. Поручили ее Борис — и дали маху...

— А что? — внезапно остановившись, Павел тревожно уставился на товарища.

— Пока слухи... Но... поганые слухи... И главное, идут они от обывателей...

— Да не тани ты! — сдвинул брови Павел. — Выкладывай прямо.

— Не горячись. Тут нужна холодная голова. Сядь, расскажу подробно.

Павел в сердцах сплунул в угол и, схватив с грохотом стул, грузно опустился на него.

— Видишь ли, Павел, сам я еще ни к какому выводу не пришел, поэтому и похоже, что тяну, — заговорил тихо Сергей. — Был я сегодня у местного адвоката-рабочелюбца. Ты знаешь его — рекомендуется «легальным марксистом» и до сих пор охотно давал деньги на организацию. Вот я и забежал к нему перехватить малую толику. Надо бумаги для техники купить: листки не на чем печатать. Представь — отказал, мерзавец!

— Подумаешь, горе! — презрительно пожал плечами Павел. — Чорт с ним! Не пристало нам на либералов надеяться. Знаем цену публике.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок, — криво усмехнулся Сергей. — Но дело не в том, что денег не дал, а вот — почему не дал?

— Ну?

— Получил откуда-то сведения, что нашу типографию охранка проследила. Если поверить ему, техника уже почти в руках охранки. На гиблое дело, говорит, денег не хочу давать.

— Да врет, поди.

— Нет, не думаю, что врет. — Сергей задумчиво покачал головой. — Но струсил определенно. А подробности ему известны большие. Даже с карандашом в руках план путешествия техники начертил. Кое-что совпадает с тем, что в последний раз докладывал Борис. Правильно указал, где помещается техника. Потом, по его словам, она перекочевала в другое место, зачем-то попала в лес, где растеряла часть шрифта. Из лесу вернулась в город и застряла в одном домике на окраине.

— Правда все это?

— То-то, что не знаю. Не проверил еще. Бориса уже дня три не вижу.

— И я тоже. Думаешь, провокация?

Сергей вздрогнул.

— Провокация или глупость — чорт его разберет! Над этим и ломаю голову. Как будто не предатель Борис, не похоже. Возможно, он просто свалил ротозея и, сам того не подозревая, навел шпики на технику. Но почему мы ничего не знаем, а обывательские воробы уже чирикают?

— Может врет он, твой адвокат?

— Так или этак, а разобраться надо.

— Созвать срочно комитет и разыскать Бориса — вот что надо сделать.

— Правильно...

III. «Филерово горе».

Кворум комитета был полный. Павел сбился с ног, но успел оповестить всех. Борис явился последним.

Сергей сделал сообщение о слухах про типографию и поставил перед Борисом вопрос ребром:

— Правда ли, что с техникой неладно? Правда ли, что она путешествует? Насколько верны обывательские слухи?

Удивленные подпольщики настороженно впились в растерянное лицо Бориса. Губы его болезненно кривились.

Выдавил глухо:

— Все это, товарищи, отчасти правда...

— Отчасти? — сухо переспросил Сергей.

— Да. Технику проследила охранка. Появились шпики. Я решил перенести ее в другое место. Возможно, при спешке растеряли часть шрифта...

Черная неуклюжая фигура Бориса, похожая на огромную жужелицу, выглядела жалко.

— Но где же сейчас техника? — заинтересовались комитетчики.

— В надежном месте... закопана во дворе у товарища Ивана. Как подыщем подходящее помещение, сейчас же пустим в ход.

— Но почему же вы не сообщили своевременно об этом комитету?

— Не успел. Да и не до этого было. Как только мы подметили слежку филеров за техникой, так тотчас начали менять квартиру за квартирой.

— А обыватели уже в курсе ваших походов?! — не сдержался Сергей.

Борис беспомощно развел руками:

— Ничего не понимаю! Действовали как будто вполне конспиративно.

— Да сам-то ты был при этом таинственном путешествии техники с места на место? — спросил Бориса

¹⁾ Статья 102 парского уголовного закона карала каторгой за принадлежность к «революционному сообщничеству» партии.

железнодорожный рабочий, все время поглядывавший на злополучного товарища с грустной жалостной усмешкой.

— Был.

— Ну, вот вам, товарищи, и разгадка, — усмехнулся железнодорожник.

Все устали на него, не понимая, в чем дело.

— Да что вы, не знаете, что ли, «сверхконспираторский» талант товарища Бориса? Посмотрите когда-нибудь, как он мчит япо улице. Прет как паровоз вперед, а по пятам целая стая гончих-шпики. Словно впереводки. Борис никого и ничего не видит, а шпики и не скрываются, еле-еле успевают за ним. Не даром за Борисом числится кличка «Филерово горе». Замучил он их. Нашли кому поручить технику! Конечно, Борис сам и навел шпики на типографию, а потом таскал их за собой повсюду. Держу пари, что вокруг квартиры Ивана тучами околачиваются сейчас шпики, пришедшие по пятам Бориса. Да и здесь... — Он выглянул в окно. — Так и есть! Ну, что? Не прав я? — смеялся железнодорожник.

Борис, начавший было оправдываться, смущенно замолчал. Павел молча, не скрывая наплыва радостного облегчения, приветливо улыбался ему.

— Вот что, товарищи! — восставляя порядок, заявил Сергей. — Бориса мы снимем с работы по технике и переведем его на пропагандистскую работу. Выручать технику, если она еще цела, поручим товарищу Цвлингу. Я переговорю с ним. Это молодой и смелый парень, присланный Омским комитетом. А вы, Борис, дайте мне адрес техники и уж сами туда ни ногой!

— Что же, если комитет решил... — обиженно буркнул Борис.

— Как вы, товарищи? — обвел Сергей глазами присутствующих.

Все были согласны.

— А теперь осторожнее расходитесь.

Первым пошел Борис. Комитетчики, приподняв краешек занавеси, выглядывали в окно. Дежурившие на противоположной стороне улицы филеры вдруг заволновались: из парадного вышел Борис и быстро, не глядя по сторонам, понесся по улице. Шпики, не отставая, помчались за ним.

Улица опустела.

— Ну, теперь можно спокойно расходиться и нам, — решил железнодорожник. — Борис увел всех легавых. Ясно, что ни за кем из остальных нет «хвостов».

IV. Опасное поручение.

Жандарм, выкурив папироску, заторопился на службу. Муля, довольный, что может остаться один, прошел в свою комнатку. Прикрыл дверь и дал волю взбудораженным чувствам.

«Узнал? Не узнал? Догадывается? Может быть только делает вид, что верит в рассказ о безработице, чтобы усыпить бдительность, а сам заявит жандармерии: так мол и так — у меня на квартире крамольник».

Слушал, насторожив ухо, что делается там, за дверью, в тихом и на вид таком мирном бабушкином гнезде. Кажется, шепчутся... О чем?

Стукнула дверь. Кто-то ушел. Наверно, сынок. Муля вскочил, нервно забегал из угла в угол. Распахнув двери, неожиданно выскочил в соседнюю комнату. Старушка мирно возилась около буфета. Повернула к Муле ласковое лицо, осведомилась:

— Думала, ты отдохнуть прилеж. Боюсь шуметь-то. Ай разбудила?

— Нет, бабушка. Хочу вот в город пройти. Человека одного повидать: может работу даст.

— Пошто не сходить, сходи. Поздно ли вернешься-то?

— Постараюсь пораньше.

Спокойно оделся, медленно вышел во двор и, уже захлопнув калитку, прибавил шагу, словно спешил на поезд.

Дорогой начал колебаться.

«Наверное зря порю горячку. Просто от неожиданности нервы заиграли».

Вспомнил, невольно улыбаясь, старого рабочего Зыряева, любившего подсмеиваться над новичками. Рассказывал Зыряев, как в первый раз шел с прокламациями мимо полицейских:

«Иду, а ноги как деревянные. Так и кажется, что прокламации пищат: а мы тут... тут... в кармане! Полицейские на меня нуль внимания, а мне мерещится — вот-вот схватят... уже гонятся!.. Еле удержался, чтобы не побежать».

Муля встряхнул головой.

«Посоветуюсь с Сергеем».

Сергея нашел на явочной квартире. Рассказал о попытке снять конспиративную квартиру в тихом семействе жандарма.

— Не знаю, что делать, — закончил он. — Вещей и задатка не жалко; обидно, что паспорт пропадет. Прекрасная липа — дубликат с настоящего. Может, товарищ Сергей, остаться мне? Безопасно как будто: кто догадается искать революционера у жандарма?..

— Бросьте и думать, товарищ Муля! Поставьте крест над жандармской квартирой, вещами и паспортом. Обратно и не думайте возвращаться, рисковать нечего. Паспорт дадим другой, не хуже. Сейчас есть более важное дело, чем разброска прокламаций.

Сергей рассказал историю с типографией.

— Техника сейчас у товарища Ивана. Запомните адрес. — Он назвал улицу, номер и приметы дома. — Найдете? Не ошибетесь?

— Знаю. Я бывал на этой улице.

— Прекрасно. Как вы думаете осуществить это задание? За квартирой Ивана идет усиленная слежка, и не дальше, как сегодня ночью вероятно будет обыск.

Цвлинг задумался. Затем решительно заявил:

— Просто выкраду типографию. Так, чтобы товарищ Иван не знал, кто у него ее берет. Вроде экса... Может быть он и верный парень, но лучше пока оставить его в заблуждении. Скажем потом.

— Что же, это идея. Только, Муля, без мальчишества.

— Что вы, товарищ Сергей! Я же знаю, где можно мальчишествовать, где нельзя.

— То-то! — Сергей любовно, как старший брат на младшего, посмотрел на Мулю. — В помощь можете взять «Лесного братца» и, если нужно, всю его боевую дружину.

— Всю-то не надо. Хватит двоих-троих. Да еще лошадь.

— Ну, и хорошо. Лошадь найдем. Сделайте это сегодня же. Типографию спрячете по этому адресу...

Сергей дал адрес и, попрощавшись, вышел на улицу.

Почти вслед за ним вышел и Муля.

V. «Лесной братец».

В центре города, на базарной площади, в стороне от торговых рядов вырос несуразный домик-амбарчик в одно окно. Над амбарчиком примитивная, начертанная неумелой рукой вывеска: «Абойщик мебели». Половина амбарчика, напоминающего сарай, заполнена рогожей, стружками и горой заказов, ждущих очереди, — ободранными матрацами, диванами, креслами. Другая половина, с окном, одновременно и мастерская и жилье обойщика. Живет он с двумя товарищами по работе.

Хозяин мастерской — рослый, широкоплечий латыш, с курчавой рыжей бородой и веселыми голубыми глазами, совсем не гармонирующими с веснушчатым суровым лицом. Живет латыш по подложному паспорту.

Черные тени шпиков маячили на лавочке

«Лесным братцем» назвали его после 1905 года, когда реакция загнала латыша вместе с другими революционерами в леса. Из Латвии он бежал в Сибирь и, явившись по явке в Челябинск, обосновался здесь, открыв для виду мастерскую.

Для челябинских обывателей и полиции ветхий амбарчик—мастерская, для партийной организации—штаб боевой дружины. «Лесной братец»—начальник этой дружины. Обязанность его—охранять от всяких случайностей частые массовки рабочих в пригородных лесах и обучать молодежь стрельбе и самообороне.

В этот штаб и направился Цвинлинг. Встретил его латыш по обыкновению радостно и гостеприимно. Пододвинул недоконченное обивкой кресло.

— Садись. Что нового?

Муля рассказал о комитетском поручении.

Глаза «Лесного брата» загорелись, лицо оживилось. Муля, глядя на него, вдруг по-мальчишески фыркнул, стараясь побороть неожиданно разобравший его смех. Хохоча, уткнул лицо в шалку.

— Ты чего? — удивился опешивший товарищ.

— Вспомнил... как ты... эсеров... арестовывал... — давясь смехом, выбрасывал из-под шапки Муля.

— А-а! — широко улыбнулся «Лесной братец».

В минувшее воскресенье в лесу было устроено партийное собрание.

Из челябинского депо пришло более трехсот рабочих-партийцев. В этот же день в соседнем лесочке эсеры устроили свой митинг, собравший человек тридцать городской разночинной публики. Узнали про собрание и прислали парламентариев с предложением объединить митинг.

— Как быть? — насторожился Сергей. — У нас партийное собрание, а среди эсеровской братии наверняка половина шпиков.

— Задержать до конца собрания! — брякнул, не задумываясь, «Лесной братец».

Предложение понравилось. Тотчас боевая дружина, рассыпавшись цепью, окружила эсеровский митинг, «арестовав» его вместе с лидерами. Сквозь лесок большевистскому собранию было слышно отчетливо, как они галдели и злились, протестуя против насилия.

— Тише! Хотите привлечь внимание полиции и шпиков? — крикнул предостерегающе начальник боевой дружины. — Можете митинговать сколько угодно, но разойтись мы вам не позволим.

Эсеры мгновенно сбавили тон, но негодующий шопот и заглушенная тихая перебранка с дружинниками продолжалась. Пафос митинга погас—в кольце дружинников шипели злобствующие обыватели. Они просидели под охраной дружины часа полтора, пока не кончилось и не разошлось партийное собрание. Эту забавную историю, в которой «Лес-

ной братец» сыграл главную роль, и вспомнил Муля.

— Ну, будет тебе! — буркнул латыш весело хохочущему Цвинлингу. — Давай о деле поговорим.

VI. Люди в масках.

Темный осенний вечер сжал в кулак пустынную городскую окраину. Поздно. Улицы кажутся мертвой. Но если присмотреться внимательно, видно, как у одного домика маячат на скамеечке две фигуры. Посидят таинственные фигуры, поедят, походят около домика, заглянут в щелки ставней и опять скрючатся на скамеечке. Темно в доме, тихо, крепко спит дом.

А осенняя изморозь забирается острыми иглами под одежду, встряхивает ознобом, клонит ко сну. Уйти бы, да нельзя—служба: охранка поставила на пост следить за обитателями домика, сообщать, кто приходит, кто уходит, не понесут ли чего тяжелого. Тогда немедленно сообщить в охранку и проследить куда унесено.

Медленно ползет время. Скучно. Чу! В конце улицы лошадиный топот. Выплыла из сумрака телега с седоками. Проехала, не спеша, мимо и скрылась, проглоченная тьмой.

— Сидят, черти!—ворчит «Лесной братец», подергивая вожжами. — Наверно долго проторчат. А время идет. Что делать?

На телеге Муля, латыш и два дружинника. Проехали улицу, выбрались за город и остановились. Поболтали. Покурили. Через час поехали обратно. Черные тени шпиков попрежнему сидели на лавочке, прикорнув друг к другу, слившись в один бесформенный ком.

— Ну? — уперся «Лесной братец» злым взглядом в Мулю.

— Езжай дальше, — шепнул тот в ответ.

Опять за городом. Нетерпение и зло горячей волной разливались по жилам. «Лесной братец», неожиданно вспыхнув, нарушил напряженное молчание.

— Долго будем валандаться?

Где-то прокричал петух, другой, третий. Пролаяли разбуженные петушным пением собаки.

— Ждать дольше нечего. Едем. Если шпики еще сидят, вяжем без разговоров...

Осмотрели оружие, приготовили маски и решительно тронулись в непроглядную тьму.

— Не зевай, ребята! — распоряжался «Лесной братец». — По команде схватить шпиков, кляп в рот и вязать.

Перед домиком пустили лошадь тихим шагом. Насторожились, всматриваясь в темноту. Вот домик, вот светлеет скамеечка. Что это? Скамейка пуста. «Лесной братец» соскочил с телеги, подошел к воротам. Оглядел все темные впадины — не притаились ли где охранники.

— Наверно, не выдержали холода, ушли. Надолго ли? Сходите, ребята, до угла, осмотрите, — распорядился «Лесной братец».

Дружинники, крадучись, прошли вдоль высокого сплошного забора до угла. Через несколько минут вернулись.

— Никого!

— Ну, ребята! Вы с лошадью оставайтесь здесь, караульте... мы с Мулей идем.

— Достукался! — послышался нервный, злой укор жены. — Не сидел в тюрьме — теперь насидишься...

Иван раздраженно отмахнулся, подходя к двери. Прильнул настороженно к косяку.

— Кто там?

— Отворяй! Дело есть, спешное! «Что разговаривать? Все равно придется открыть! Семь бед — один ответ!»

Открыл.

В комнату ввалились двое в масках. У одного рыжая борода курчавится.

Навели револьверы.

— Руки вверх!

Иван опешил. Вместо полиции — экспроприаторы. Однако руки поднял.

— Не бойся. Грабить не будем, — бросил бородатый.

И «Лесной братец» первый перемкнул через заборчик во двор спящего домика.

* *

Резкий стук в двери разбудил Ивана.

«Кто бы мог быть? — подумал спросонья. — Не пожар ли?»

Соскочил с кровати. В голову ударило:

«Обыск! Пронюхали про типографию!»

Закололи мурашки тело. Внутри заныла сосущая пустота, словно не ел два дня. На кровати мелкой дрожью тряслась жена. С сундука поднял голову сынишка.

— Не бойся. Грабить не будем, — бросил добродушно бородатый. — Показывай скорее, куда технику зарыл...

Ивану захотелось ущипнуть себя за нос. Не сон ли это? Что им надо? Кто они такие?

— Ну? — коротко спросил другой, помоложе. — Пошевеливайся, живо!..

Накинул пальтишко, нахлобучил шапку и — во двор. В углу, за отхожим местом, ткнул пальцем:

— Тут...

— Давай лопату!

Муля и «Лесной братец» быстро раскидали мягкую землю. Вот и меш-

ки со шрифтами и частями разобранный американки. Типографию быстро погрузили на телегу. Закидали землей яму.

— Ты, Иван, подровняй землю, чтоб не так заметно было. Все равно тебе оставаться, а нам некогда! Ворота-то запри!

Телега с людьми в масках словно растаяла в ночной тьме.

Иван запер ворота и принялся подравнять землю, думая:

«Кто такие? Видать — свои. Полиция бы не так действовала».

Жена встретила на пороге.

— Ну, что там?

— Не знаю. Взяли технику и уехали.

Завернул цыгарку, прикурив. Руки дрожат, словно перетаскал гору тяжести. А на сердце почему-то легко.

— Теперь пускай приходит полиция! Ищи — свищи!..

* *

Иван словно накликал полицию. Часа через три, когда предутренний рассвет, белесоватый, как снятое молоко, заглянул в комнату через дырявые ставни, снова раздался стук в двери. Стук властный, решительный.

— Отворяй! Полиция!

Ввалились с шумом, толпой. Казенные, чужие, враждебные.

— Одевайся! Встать сюда, в стойлоронку!

Полицейские искали тщательно. Перерыли все, вскрыли полы, лазали в подполье, изрыли двор.

— Ничего не нашли, ваше высокоблагородие! — виновато отпарывал старший городовой.

Пристав зло сузил глаза. Рванулся к Ивану:

— Куда спрятал типографию, мерзавец! У тебя была, не запирайся!

Иван равнодушно пожал плечами: — Никакой типографии у меня нет и не было. Откуда вы взяли? Ищите, коли не верите...

Пристав обрушился на шпиков. Те жмутся. Ведь своими глазами видели, как сюда перевезли типографию.

Обыскали еще раз.

— Про-во-ро-нили, сукины дети! — заревел ошалевший от ярости пристав...

* *

Дня через четыре Челябинск был засыпан свежими отпечатанными прокламациями. Муля с деповской молодежью вновь налепил белые листки на дверях и окна жандармского управления.

«Блуждающая типография» работала полным ходом.

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАПОВЕДНИКИ СССР.

Много десятков лет природные богатства нашей страны эксплуатировались без всякого плана и учета запросов. Хищнически вырубались леса: до последнего малька вылавливалась рыба в реках и озерах, выбивались пушные звери, дичь. Хищническая эксплуатация неуклонно истощала наши природные богатства; поэтому одним из первых шагов советской власти в области реорганизации народного хозяйства было проведение ряда энергичных мероприятий по охране и восстановлению этих богатств.

Одним из мероприятий по охране природы является организация так называемых заповедников. Определенные участки земли изымаются навсегда из хозяйственного пользования и объявляются запретными для охоты, рыбной ловли, пахоты, косыбы, рубки леса и т. д. В этих участках природа представлена самой себе.

Государство, создавая сеть заповедников (список которых печатается ниже), преследовало две цели: научную и хозяйственную. С научной точки зрения заповедники нужны потому, что в них можно осуществить наблюдения над жизнью природы, не тревожимой человеческой рукой, сохранив одновременно различные памятники природы—

вымирающие растения и животных, интересные горные породы и т. д. Хозяйственная ценность заповедников заключается в том, что они становятся рассадниками дичи, пушного зверя и рыбы, осуществляют охрану водного режима края (путем сохранения лесов) и выполняют другие важные задания.

Для всякого любящего природу человека, а тем более писателя-краеведа, заповедники представляют огромное поле для наблюдений, тем более интересных, что все они являются созданием культурно-хозяйственной политики советской власти. До революции, в прежней царской России, как известно, не было ни одного государственного заповедника. Были только 2-3 частных, организованных больше «для потехи».

Север:

1) Чуна-Тундра—на Кольском полуострове возле озера Имандры. Охрана северной флоры и фауны. Особое значение имеет охрана дикого северного оленя.

2) Олений остров—в Кольском заливе. Охраняет типичный ландшафт полярной области с гнездовьями гаг и других птиц.

3) Могильное озеро—на острове Кильдине, в Баренцовом море. Озеро является реликтовым¹⁾ водоемом с пресной водой от поверхности до глубины 5 метров; глубже, до самого дна—морская вода с обычной морской фауной.

Центр:

4) «Живая книга»—в Богородском уезде, Московской губернии. Охраняет участок характерного ландшафта лесной полосы.

5) «Городок»—в Звенигороде, Московской губернии. Представляет древнее городище X—XI века с сохранившимися валами,

¹⁾ Реликтовый—то есть оставшийся от доисторической эпохи.

проходами, рвами. Склоны и овраги по берегу Москвы-реки и р. Жерновки покрыты столетним сосновым бором, имеющим защитное значение.

6) «Пушкинский уголок»—в Опочском уезде, Псковской губ. Заповедник охватывает усадьбы: Тригорское, Михайловское и территорию б. Святогорского монастыря с кладбищем и могилой поэта.

7) Воронежский бобровый заповедник—в Воронежском округе ЦЧО, близ ст. Графской. Создан для охраны бобров по р. Усманке.

8) Железнодорожный—в Моложском уезде, Рязанской губ. Охрана старых елово-лиственных насаждений.

9) Ямбирский—в Сасовском уезде, Рязанской губ. Двухсотлетний сосновый лес. Имеет защитное значение, предохраняя берег реки от размывания.

10) Центральный лесной—в Бельском уезде, Смоленской губ. Охрана мало тронутого порубками лесного массива Центральной лесной полосы и населяющей его лесной фауны.

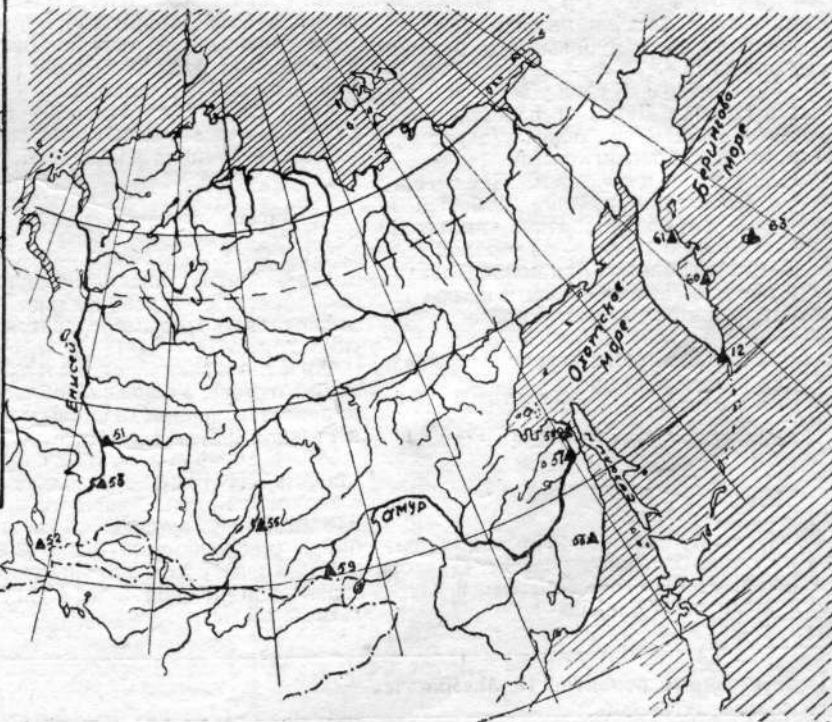
11) Средне-Волжский—пять участков в Пензенском округе, семь—в Самарском и два—в Нижегородском. Назначение—охрана типичных ландшафтов лесостепи Среднего Поволжья с их флорой и фауной.

12) Галичья гора—в Елецком округе ЦЧО. Цель—охрана реликтовой растительности на девонских известняках у берега Дона.

13) Лес на Ворскле—в Богородском округе ЦЧО. Охрана трехсотлетних дубовых и ясеневых насаждений.

14) Татарский национальный—в Арском кантоне Татарской Республики. Охрана комплексного бора на дюнных холмах.

15) Белорусский—по обоим берегам Березины, в 30 километрах от Борисова. Лес из хвойных и лиственных пород. В некоторых местах лес никогда не подвергался рубке. Имеется: 32 семьи бобров, лоси, кабаны, рыси, медведи, много болотной и лесной птицы.

Карта заповедников СССР.

Степной район:

- 16) Донецкий степной — в Вешенском районе, Донецкого округа, Северо-Кавказского края.
- 17) Степной Казанский — в районе Наурзум-Карагай, в верховьях реки Тургай, Казакской АССР. Охрана степной фауны и флоры.
- 18) Урянбашский — в Ульяновском округе, Средне-Волжской области. Охрана целинной степи, предназначенной для кумысного лечения.

Украина:

- 19) Чапли — б. «Аскания Нова». Типичная типчаково-ковыльная степь с характерной степной фауной. Известный зоопарк и научная станция.

Приморские — на побережьях Черного и Азовского морей:

- 20) Кинбурнский — соленоозерный заповедник близ Кинбурнской косы. Прекрасно выраженный комплекс песчаной степи с дубовыми и березовыми колками и солоноводными озерами.

- 21) Ягорлыцкий — часть Ягорлыцкого полуострова и морского берега Тендеровского и Джарылгачевского заливов. Травянисто-полянковая и часть ковыльная степь.

- 22) Остров Тендер, 23) Остров Долгий, 24) Остров Орлов, 25) Полуостров Джарлгач — песчаная степь.

- 26) Остров Чурюк на Сиваше. По берегу моря мокрые солончаки и солоды.

- 27) Остров Бирючий,

- 28) Обиточенская коса и

- 29) Белосарайская коса — все три заповедника на северном берегу Азовского моря, в устьях впадающих в него рек. Характер — растительности такой же, как и в предыдущих.

Все десять приморских заповедников имеют особое значение, как места гнездовья и охраны перелетных птиц, которые в большом количестве скопляются зимой, слетаясь по пролетным путям из европейской части СССР и отчасти из Финляндии.

- 30) Урочище Трудовое — в Ивановском районе, в низовье Днепра. Песчаная степь с дубовыми и березовыми колками.

- 31) Урочище Буркут — в Чельбаском районе. Дюны и плавни, солоноводные заливы и болота, заросшие камышом и дубовыми лесами.

- 32) Лесостепной им. Шевченко — в Каневском районе. Дубовый и грабовый лес близ могилы писателя.

- 33) Парасодский — на правом берегу Ворсклы, близ с. Диканьки, Полтавского округа. Лесная фауна и флора на границе распространения граба.

- 34) Рыбный Конча-Заспа — на Среднем Днепре, к северу от Киева. Рыбная научная станция.

- 35) «Каменные могилы» — геологический заповедник в Мариупольском округе.

Юг:

- 36) Крымский — в Крымских горах, на южно-бережном участке. Охрана леса и крымской горной фауны, в частности крымского оленя.

- 37) Астраханский — в дельте Волги; Астраханский округ, Нижне-Волжской области. Охрана лотоса, птичьих гнездовий и рыбных пересталищ.

- 38) Азербайджанский — в Кызыл-Агачском заливе и в устьях Куры. Зимой в заливе скопляются в огромном количестве перелетные птицы, до 120 видов, среди них — пеликаны, лебеди, краснозобая казарка, которая гнездится в устьях Енисея, и другие.

- 39) Уч-коса — в Дагестане. Занимает полуостров Уч-косу и прилегающий остров. Охраняет флору и фауну приморской полосы Дагестана. Является местом гнездовий и станцией при весенних и осенних перелетах птиц. Особый интерес представляют три косяка одичавших лошадей, существующие более 70 лет.

- 40) Гунибский — в Гунибо-Дагестанской АССР. Занимает часть Гунибского плато. Охрана реликтовой березы.

- 41) Парабоковский — на берегу Терека. Охрана кавказского оленя и косули.

- 42) Кавказский — в Майкопском округе и Сочинском районе, Северо-Кавказского края. Захватывает склоны главного Кавказского хребта в бассейнах рек Лазы, Белой, Сочи, Лезымы. Охрана горной фауны и флоры.

- 43) Грузинский — в Ахметовском районе, Теловского уезда. Здесь заповедана тисовая роща с тисом от 500 до 1000 лет. Некоторые деревья достигают диаметра 130 сантиметров на высоте груди. Местное население считает рощу священной и, по обычаю, тиса не рубит.

Средняя Азия:

- 44) Репетекский — в Туркменистане, близ станции Репетек, Закаспийской железной дороги. Классическое место для изучения песчаных пустынь Средней Азии.

- 45) Зааминский — в Самаркандском округе, на северном склоне Туркестанского хребта, с зарослями высокостебельных можжевельников, с реликтовыми лесами арчи.

- 46) Аксу-Джебаглы — в Казакстане, в Сыр-Дарьинском округе. Занимает долины рек Аксу и Джебаглы-Су в Таласском Алатау. Охрана высокогорной флоры Средней Азии.

- 47) Джетысуйский — в Казакстане. Занимает часть узкой долины реки Иссык. Охрана растительности и фауны.

Урал:

- 48) Ильменский — в Миасском районе, Златоустинского округа, Уральской области. Охрана редких и ценных минералов, которыми славятся Ильменские горы.

- 49) Троицкий степной — в Троицком округе, Уральской области. Здесь охраняется целинная ковыльная степь и степная фауна (дрофа, стрепет и т. д.).

- 50) Северо-Уральский — около западной границы Тобольского округа, в верховьях реки Сосьвы и Конды. Главное значение — охрана соболя и речного бобра (численностью около 300 голов).

- 51) Кунгурская — подземная сталактитовая пещера близ Кунгура, Уральской области.

Сибирь:

- 52) Алтайский — между Телецким озером и границей Ташта-Тувинской республики. Для выбора места туда Главнаукой направлена экспедиция.

- 53) Красноярский — в Куйсумских горах, отрогах Саян. Охрана горной тайги и выходов гранитных скал (Столбы).

- 54) Лесной Енисейский — в районе г. Енисейска. Заледевский вековой сосновый бор.

- 55) Баргузинский — в Бурято-Монгольской АССР, в Баргузинских горах, на берегу озера Байкала. Сохранение и размножение ценного соболя и других животных.

- 56) Амурский — в Дальневосточном крае, в горах Сихото-Алин.

- 57) Кедровая падь и

- 58) Песчаный полуостров — около Амурского залива. Охрана пятнистого оленя, кабарги, косули, соболя и других животных.

- 59) Озера Зун-Торей и Барун-Торей — в Борзинском районе, Дальне-Восточного края.

- 60) Кроноцкий — на Камчатке, около Кроноцкой сопки. Охрана соболя.

- 61) Уткинский (Озерковский) — на восточном берегу Камчатки, между реками Вай, Кивучин и Озерная. Охрана соболя и других ценных зверей.

- 62) Лопаткинский бобровый — на мысе Лопатка, на Камчатке. Охрана лебиди морского бобра.

- 63) Остров Медный — близ Камчатки. Охрана морского бобра, птицы и других животных.

- 64) Остров Карамзина — заповедник для птиц.

- 65) Теплое озеро — охраняются нересталища рыб.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД КОМБАЙН.

Вслед за Магнитогорском и Сталинградом правительство РСФСР одобрило постройку нового — третьего по счету — социалистического города Комбайна.

Город Комбайн будет построен вблизи Новосибирска, на левом берегу реки Оби. Здесь — на пустом месте — вырастет завод сельскохозяйственных комбинированных машин — гигант «Сибкомбайн» — и ряд других предприятий.

На строящемся в Комбайне заводе будет занято 40 тысяч рабочих-мужчин. Приблизительно такое же количество женщин будет использовано помимо «Сибкомбайна» в других отраслях производства, в частности в текстильной и швейной промышленности. Поголовное вовлечение всего трудоспособного населения в производство несет с собой экономию народному хозяйству и в то же время означает значительный подъем благосостояния рабочих.

Широкие улицы, масса зелени, свободно расположенные здания, новые предприятия с высоким уровнем техники безопасности, лучшие условия охраны труда — все это будет способствовать оздоровлению рабочего населения. Здравоохранение в Комбайне будет построено на принципе полной диспансеризации всего населения.

С. П.

розничная цена понижена: вместо 1 р. 40 к. — 1 р. 25 к.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОКтябрь

В 1930 г. БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ
РОМАНЫ и ПОВЕСТИ:

Артём Веселый	А. Фадеев
Ю. Либединский	Ф. Панферов
Ю. Олеша	М. Шолохов
Л. Копылова	Марк Колосов
А. Караваева	Н. Кочин
Н. Богданов	Н. Чертова
Я. Шведов	Л. Овалов

12 КНИГ В ГОД.

Продолжается подписка на 1930 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—12 руб., на 6 месяцев—6 руб.

Цена отдельного номера—1 руб. 25 коп.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: Мосотгиз „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“—Москва, Неглинный пр., 9, а также во все магазины и отделения и уполномоченным Госиздата РСФСР, в киоски Контрагентства печати и во все почтовые конторы и у письмоносцев.

УЧИТЕСЬ САМИ

ИГРАТЬ С ПОМОЩЬЮ САМОУЧИТЕЛЕЙ ПО НОТНОЙ ИЛИ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЕ:

НА ГАРМОНИКЕ

Самоуч. Сергеева и Голубева для венск. двухр. русск. или нем. строя 11 кл. 12 бас., с приложением 20 пьес. Ц. 1 р.

НА БАЛАЛАЙКЕ

Самоуч. Илюхина. Цена 1 руб. Ильин А. Самоуч. (только по цифровой системе). Ц. 50 к.

НА МАНДОЛИНЕ

Самоуч. Петрова. Ц. 1 руб.

НА ГИТАРЕ

Самоуч. Успенского. Ц. 1 р. 50 к. Заказы до 5 руб. высылаются налож. плат. без задатка; свыше 5 р.—по получ. задатка. Пересылка за счет заказчика. Москва, Центр, Неглинная, 11/31.

МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА.

ШКОЛА

В ПОМОЩЬ ПИСАТЕЛЮ
1. ФОРМАЛЬНАЯ
2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
3. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
4. ТЕХНИКА И ПУТИ ВОСПРИЯТИЯ. Понятие материала и приема в поэтике. Внутр. форма слова, пути воспр. художеств. произв. и др. в книге М. О. ГРИГОРЬЕВА

ЛИТЕРАТУРА И ИДЕОЛОГИЯ.

360 стр., в папке. Высыл. налож. платж. за 2 р. 90 к. с пер. МОСКВА, Моховая, 22/8. Книгопocht. отд. „Никитин. Сущб.“, б. „Самообразование“

КАК УХАЖИВАТЬ ЗА БОЛЬНЫМ ДОМА

Альбом А. Берлянд, около 200 нагляд. рисун., 80 стр. объяснят. текста. Ц. 1 р. 35 к.

13 АБОРТОВ

Рассказы Л. В. Здравомышлова. „Каждая женщина должна ее прочитать“ (из отзыва проф. Р. Кипарского). Стр. 74, ц. 35 коп. Высыл. налож. платж. Госмедиздат, Ленинград 14, просп. Володарского, 53 а, „Меденига почтой“.

К сведению подписчиков НА

„ВОКРУГ СВЕТА“

В случае неполучения отдельных номеров н/изданий подписчикам необходимо сообщать об этом немедленно в Издательство и никак не позднее получения следующего номера. В противном случае Издательство в виду ограниченности тиражей, высылать издания по жалобе не сможет.

Издательство „Земля и Фабрика“

СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ

СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ
EXTRACTUM TESTICULORUM
ОТДЕЛ
В МОСКВЕ
ЛАБОРАТОРИЯ КООПЕРАТИВА

ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ
ПРЕГОТОВЛЕННАЯ ПО СПОСОБУ ПРОФ. Д-РА СЕКАРОВА

**ПРЕСКУДАНТ
ВЫСЫЛАЕТСЯ
БЕСПЛАТНО**

ГЛЕН-МОСКВА

ПРИ ОТСУТСТВИИ В МЕСТНЫХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИМЕНА ЛАБОРАТОРИЯ ВЫСЫЛАЕТ ЕМУ МЕНЕЕ 2-3 БАЛЛОНОВ ПО ПОЛУЧЕНИИ 25% ЗАДАТКА

ЦЕНА 2 РУБ. 25 КОП. ПЕРЕСЫЛКА ЗА НАШ СЧЕТ ВРАЧАМ ДЛЯ ИСПЫТАНИЙ GRATIS

МОСКВА 2-е ВЫДЕЛЕНИЕ № 152

НЕОБХОДИМО
для изучающих

БУХГАЛТЕРИЮ

300

ЗАДАЧ с ПОКАЗАТ. РЕШЕНИЯМИ
сост. Е. М. ЛЕНИН. Дает ответ на всяк. сомн. и затрудн. по вопр. УЧЕТА И БУХГАЛТЕРИИ. Цена с пер. 2 р. 60 к. Москва, Моховая, 22/8, Книгопocht. отд. „Никитин. Сущб.“, б. „Самообразование“

ГАРАНТ. АККУРАТН. ДОСТАВКА
ЛЮБУЮ КНИГУ
ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ самообразования, техника, учебники, медицина, классики и пр. высл. нал. пл. МОСКВА, 9. Моховая, 22/8. Книгопocht. отд. „Никитин. Сущб.“, б. „Самообразование“

ГРАММОФОННЫЕ ПЛАСТИНКИ

ЭЛЕКТРА

НОВЫЕ ЗАПИСИ

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ
ПО ЦЕНЕ 1 РУБ. 20 КОП. ШТУКА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ, ЯСНАЯ ПЕРЕДАЧА.
Почтовые заказы выполняются фабрикой „Музтреста“ Памяти 1905 г.—ст. Апрельевка, Зап. ж. д., по получении всей стоимости. Пересылка и упаковка за счет заказчика налож. платежом. Каталог и добавление высылают. ся за 35 к. (почтовыми марками).

КОНЦЕССИОННАЯ ФАБРИКА

БУМАГА

ПАРАФИНОВАЯ
на змрин. рафинированном пищевом парафине

ФРУКТОВАЯ
презохр. фрукты от порчи

МАЙСОВАЯ
предохр. металл. издеп. от ржавчины

ВОСКОВАЯ
для печ. этикет и напуль

ЛЕНИНГРАД, ГЛУХООЗЕРСКАЯ УЛ., 10/В. Тел.: 114-37, 194-43, 21-38, 41-37.

БУМАГА

КОПИРОВАЛЬНАЯ
для пишущих машин, крандаша и копирчета

КАЛЬКА бумажная лучшего качества, ЗАГРАНИЧНОГО ОБРАЗЦА

ШЕЛКОВАЯ

КРЕПОВАЯ

НОТЫ

ЛЮБЫЕ НЕМЕДЛЕННО ВЫСЫЛАЕМ налож. плат. КАТАЛОГИ БЕСПЛАТНО.

УЧИТЕСЬ ИГРАТЬ

САМИ НА МАНДОЛИНЕ по новейшему общедоступному САМОУЧИТЕЛЮ по нотной-цифровой системе. Составил Шварц. Цена 1 р. 48 к. с перес. НА ГАРМОНИКЕ по лучшему САМОУЧИТЕЛЮ для венской двухрядной гармоник по нотной-цифровой системе. Состав. Васильев-Буглай. Ц. 2 р. 07 к. с перес. Высылаем наложенным платежом, пересылка за счет заказчика. При заказе до пяти рублей—без задатка, а свыше пяти рублей—при задатке в 25% суммы заказа.

Торгующим организациям большая скидка. Учащимся школ и музтехникумов, клубам—скидка 10%. Заказы адресовать: МОСКВА, Центр, Таватальный проезд, 7/8, МУЗТОРГ ПТО МОНО.

ЗВОНИТЕ

ПО ТЕЛЕФОНУ
2-32-36,

К ВАМ ЯВИТСЯ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ для приема объявлений в журнал

„ВОКРУГ СВЕТА“.

МОЖЕТ ЛЕГКО И БЫСТРО

КАЖДЫЙ ИЗУЧИТЬ СТЕНОГРАФИЮ

По руковод. Н. СОКОЛОВА, Доп. Гос. Учен. Советом. 2-е издание, с 63 упражн., приложен. словаря. Высыл. налож. плат. за 2 р. 75 к. Москва, Моховая, 22/8. Книгопocht. отд. „Никитин. Сущб.“, б. „Самообразование“

ВЫПИЛИВАНИЯ АЛЬБОМ

на 16 лист. НОВЫЕ предм. и игрушки с руководства. и прилож. 12 иллю. в п. перес. бум. Изд. нал. плат. за 2 р. 30 к. с перес. МОСКВА, Моховая, 22/8. Книгопocht. отд. „Никитин. Сущб.“, б. „Самообразование“

ГИПНОЗ и его техника

Подробное учение о гипнозе, внешние и его технические применения, д-ра ЛЕВЕНФЕЛЬДА, 192 стр. Ц. 2 р.

Книги высылаются налож. платежом Трудкоопин. „Красная Заря“, Ленинград, просп. 25 Октября, 88/В.

НОВЫЕ САМОУЧИТЕЛИ НЕ ТРЕБУЮТ ЗНАНИЯ НОТ

ДЛЯ ГИТАРЫ

о пьесах, романсах и пр. Цена 2 р. 25 к. с пер.

ДЛЯ ГАРМОНИКИ

(двухр.) русск. и загранич. строя отдельный САМОУЧИТЕЛЬ с 30 муз. номер. Высл. за 2 р. 25 к. нал. плат. Москва, Моховая, 22/8. Книгопocht. отд. „Никитин. Сущб.“, б. „Самообразование“

ОХОТНИКИ и РЫБОЛОВЫ!!!

ВЫПИСЫВАЙТЕ НЕОБХОДИМЫЕ ПОСОБИЯ.
ХУДОЖЕСТВ. АЛЬМАНАХИ
ОХОТНИЧЬЕ СЕРДЦЕ—2 р. 50 к. (с б.) РЫБЬИ ТРОПЫ—2 р. 50 к.
Высылает наложенным платежом
МОСКВА, Ветюшная, 11/В
МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ.

К сведению анонсодателей. Тариф объявлений в журнале „Вокруг Света“ устанавливается следующий: страница—1750 руб., 1 строка конпарели—3 руб. Сверх тарифа—госналог 10%.

КНИГИ - ПОДАРОКИ

ОТДЕЛ
ПОЧТОВЫХ
ОТПРАВЛЕНИЙ

В **2** дня

ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ЗЕМЛЯ =
И ФАБРИКА“
Тверская, 26/В.

**ВЫСЫЛАЕТ
= ЛЮБУЮ
КНИГУ =**
ПО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВУ,
ТЕАТРУ И МУЗЫКЕ

Заказы выполня-
ются только по
получении задатка
в размере 25%
стоимости заказа.

ПРИ ВЫСЫЛКЕ
СТОИМОСТИ ЗА-
КАЗА ПЕРЕСЫЛКА
БЕСПЛАТНО.

НАХОДИТСЯ В ПРОДАЖЕ: АЛЕКСАНДР ДЮМА

Три мушкетера . . . 3 р. 40 к.

Двадцать лет спустя

т. I. 2 р. 50 к.

т. II. 2 р. 50 к.

Десять лет спустя

т. I. 3 р. 80 к.

т. II. 2 р. 50 к.

т. III. 3 р. 50 к.

Граф Монте-Кристо

т. I. 3 р. 20 к.

Переплет каждого тома — 80 к.

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Аббат 1 р. 60 к.

Г. ДЖ. УЭЛЛС

Первые люди на луне 1 р. 55 к.

Когда спящий про-

снется 1 р. 60 к.

Война в воздухе . . 2 р. 50 к.

НАХОДИТСЯ В ПРОДАЖЕ МАЙН-РИД

Жилище в пустыни 1 р. 20 к.

Охотничьи досуги . . 2 р. —

Квартеронка 2 р. —

Охотники за расте-

ниями. Гаспар Гаучо 2 р. —

На невольничьем суд-

не 1 р. 40 к.

На дне трюма . . . 1 р. 20 к.

ФЕНИМОР КУПЕР

Шимон 1 р. 20 к.

Слепопыт 1 р. 40 к.

Зверобой 1 р. 30 к.

Е. КОРАБЛЕВ

Четверо в Крак . . . — 50 к.

Созерцатель сна . . 2 р. —

ПЕТЕР ФРЕЙХЕН

Великий ловец . . . 1 р. 40 к.

Центральное Бюро Профтехнического ЗАОЧНОГО
ОБУЧЕНИЯ при ВСНХ и ВСПК. Имеются отделения:

1. ПРОМ-кооперативное
2. ЛЕСО-заготовительное
3. ДЕРЕВО-обделочное
4. По обработке СТРОЙматер.
5. По механич. кой обработ-
ке МЕТАЛЛОВ
6. ОБЧинно-МЕХовое
7. КОЖевенно-ОБУВное
8. ХИМико-КРАСильное

Входим круглый год. По окончании — сви-
дет. Подробн. справочки 20 к. марки

9. ТРИКОтажное
10. ШВЕЙНОЕ:
а) закройщиков, б) голов-
ных уборов, в) кружковод.
и инструкторов, г) вышива-
ния, д) кройки и шитья — са-
лообслуживания, е) обуче-
ние кройке и шитью по пла-
нам для малограмотных.

Москва, 9, Тверская, 29, Б.З.О.

К ЛЮБУЮ КНИГУ

по жел.-дорожн. делу,
транспорту, технике и др.
отраслям знания, а также
учебники для всех учеб-
ных заведений. Высылают
немедл. налож. платежом
Книготоргов. База Т. П. О.
Октябрь. ж. д. Ленинград,
пр. 25 октября, 41/в

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую как новую, так и старую,
выс. налож. плат. в 3-дневн.
срок. Магазины ВЦСПС — Мо-
сква, Кузн. Мост, 20/В. Ката-
лог по физкультуре и бух-
галтерии выс. по получении
15 к. почт. марк.

Новая книга проф. Н. НАРАДОВИЧ МАРГАРИН

Состав, способ и методы
и санитарная оценка. 173 стр.
с рисунк. ц. 2 р. 20 к. Высы-
лают. плат. ж. Гомельский
Ленинград 14, пр. Волод-
ского, 83-а, «Медкнига» почт.

РЕБЯТА!

ПОСТУПАЙТЕ
В ЗАЧИН

ДЕТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Выходит под общим руководством
заместителя Наркома по просвещению
М. С. ЗИШТЕЙНА.

ДЗУ дает возможность детям и подрост-
кам в ВОЗРАСТЕ ОТ 10 ДО 16 ЛЕТ
в увлекательной форме познакомить
свои знания в свободное от учебы время.

ДЗУ состоит из РАБОЧАЯ ДЗУ (цена 5 к.) и 4
ФАКУЛЬТЕТОВ (обществ.-образ. — 12 курс.,
и 5 р. 40 к., СТРОИТ.-ТЕХНИЧ. — 9 курсов,
и 4 р.; СЕЛ.-ХОЗЯЙСТВ. — 5 курс., и 2 р.; факульт.
ПОДГОТОВКИ ДЕТ. АКТИВА — 6 курс., и 2 р. 70 к. Це-
на отд. курса — 45 к. Поискаться можно на факульт.
тет, на отдельные курсы или на полный университет.
При ДЗУ имеется ЗАЧИН КОНСУЛЬТАЦИЯ.

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТ БЕСПЛАТНО. Подписка при-
нимается в ЦДПИ изд.-ва, ул. Горького, 10; в отделениях и магазинах
изд.-ва и у подписочников. ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, 19,
Воздвиженка, 10. Изд.-во «РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ».

Немецкий язык

ИЗУЧАЙТЕ
по самоучителю
ШМЕЛКОВА, со-
ставлен. по ме-
тоду МЕРТНЕРА, не требую-
щему заучив. слов и правил.
Допущен ГУС'ом. Курс 1-й
(для начинающих) — 2 р. 50 к.
Курс 2-й (для продолжаю-
щих) — 2 р. 50 к. Высыл. нал.
платеж. Присл. деньги вперед
за пересылку не платят.
Акк О-во «ГОНЕЦ», Москва,
Москворецкая, 24/11

1001 РЕЦЕПТ КУШАНИЙ

ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ
КНИГА.
Мясной и вегетар. стол. За-
гот. на зиму. Наставл. для
готовки на примусе. Цена
2 р. 80 к. Высыл. нал. плат.
Присл. деньги вперед за
пересылку не платят. Акк
О-во «ГОНЕЦ», Москва. Мо-
сковская, 24/11.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ В РАССРОЧКУ

1-го мая истекает срок уплаты 2-го взноса
по подписке в рассрочку на „ВОКРУГ СВЕТА“
с прилож. соч. ЖЮЛЯ ВЕРНА — 2 р. 25 к.

Подписчикам, не уплатившим к этому сроку
очередного взноса, высылка изданий будет
ПРЕКРАЩЕНА.

Возобновление подписки по взносам, посту-
пившим с опозданием, Издательство НЕ
ГАРАНТИРУЕТ, так как тираж „ВОКРУГ СВЕ-
ТА“ и приложений ОГРАНИЧЕН.

Издательство настоятельно рекомендует под-
писчикам немедленно уплатить 2-й взнос и тем
обеспечить себе дальнейшее бесперебойное по-
лучение изданий.

Взносы направлять по месту первоначальной
подписки или почтовыми переводами непо-
средственно в Издательство.

Одновременно Издательство оповещает под-
писчиков, что выпуск и рассылка собр. сочи-
нений Жюль Верна с ближайшего времени
будут значительно ускорены.

Издательство „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“